

Проповеди священномученика Иоанна (Поммера), архиепископа Рижского

Проповеди священномученика Иоанна (Поммера), архиепископа Рижского и Латвийского.

- [Облекитесь во всеоружие Божие...](#)
- [Духовная жажда](#)
- [Слово, произнесенное Архиепископом Иоанном 16 сентября 1923 года в Кафедральном соборе](#)
- [Трезвитесь...](#)
- [Речь на панихиде. «Пожрите жертвы правды и уповайте на Господа»](#)
- [Труждающиеся и обремененные](#)
- [Годовщина кончины патриарха Тихона](#)
- [Мать русской культуры](#)
- [Мир на земле](#)
- [Пасхальная статья архиепископа Иоанна](#)
- [Рождественская радость](#)
- [Праздник мира](#)
- [Русская Пасха](#)
- [Жажда бессмертия](#)
- [Вера в духовное воскресенье](#)
- [Беседа в Неделю Православия](#)
- [Слово в Великий Пяток](#)
- [Христос воскрес!](#)
- [Одинокество Христа](#)
- [Молитесь за умерших](#)

Облекитесь во всеоружие Божие...

Облекитесь во всеоружие Божие... Станьте твердо, препоясавши чресла ваши истиною.
(Еф. 6:11,14)

Жизнь – борьба, борьба тяжелая и опасная. Разнообразные обстоятельства и отношения жизни бороться заставляют каждого: даже отшельник в пустыне, в одинокой келье, и тот борется, борется с тяготением к греху, с тяготением к миру, с его искушениями.

Иногда жизненная борьба становится общою для целых групп людей, ставит тысяч против тысяч и тем, и захватывает, как это мы наблюдаем ныне, все стороны жизни церковной и гражданской, и общественной и частной. Результаты такой массовой борьбы имеют значение для миллионов людей... Как должен относиться к этой борьбе христианин? И в борьбе он должен неизменно оставаться христианином, «добрым воином Христовым» (2 Тим.2:3), всегда помнящим Его заветы любви и мира, любящим не только соратника брани, но и врага своего (Мф. 5:45), по нужде облакающимся в оружие телесное, но отличительным оружием которого служит оружие духовное: (Еф. 6:14-17) – это «всеоружие Божие». Тысячи борцов, вооруженных этим святым оружием, победоносно вышли из тяжелой жизненной брани и венчались славою

на небе.

Но прежде чем взяться за это духовное оружие брани, воин Христов должен препоясаться истиною. «Станите убо», говорит св. апостол, «препоясани чресла ваши истиною».

Почему же истина поставляется во главу духовного всеоружия и что значит препоясание его?

И среди повседневных жизненных испытаний самое горькое и опасное – мрак мысли и происходящее отсюда смятение чувства. Что такое? Откуда? За что? Можно ли и как перенести? Увы, горе нам, погибаем! – восклицают страх и малодушие, когда над головою собираются грозные тучи бед, скорбей, испытаний. Этот мрак мысли, это смятение чувств особенно опасны в години великих испытаний и браней, когда тьма покрывает целые страны и мрак распространяется над целыми народами (Ис. 60:2), когда целые общества, и даже целые народы перестают отличать истину от лжи, правду от неправды. Любовь от коварства, врагов от друзей; когда целые толпы ослепленных людей идут во след вождей слепых, обещающих счастье, но ведущих в пропасть; когда, как на пир, спешат на братоубийственные распри, и на гнусные преступления (грабеж, насилие, убийства) идут как на подвиг. Живущим в таком мраке прежде всего надобен свет духовный, который есть истина. Какова жизнь должна быть, какова она теперь, где враги жизни и спасения, где соратники брани. Откуда ждать помощи, где и как стать. Что делать, что говорить, все это должно быть каждому воину Христову ясно, как день. Только при свете истины можно действовать и другими оружиями брани духовной. Все другие духовные оружия Апостол подчиняет истине, называя их «оружиями света» (Рим. 13:12).

Истина – это предмет всегдашних усиленных желаний и исканий человека; и это естественно; кому не дорог свет? Истина – это сокровище; кто знает ему цену, тот ради него готов забыть все на свете. Напряженные усилия людей найти истину и представить ее или во властном слове науки, или в прекрасных художественных образах, с христианской точки зрения достойны всякого уважения. Но эта истина – истина человеческая. Есть лишь тень истины; никогда она не была и не будет в состоянии осветить человеку поле жизненной брани, указать ему цель и смысл жизни, раскрыть ему непреложные законы ее. Это может сделать лишь истина Божия (Рим. 15:8), истина Христова (2 Кор. 11:10), прославленная победительница мира (1 Ин. 5:4). Пред ней преклонилась седая мудрость языческой древности. Она просветила новые народы. И в эти допускаемые ныне Провидением времена мрака к ней с надеждой спасения и жизни устремляются наши сердца. Мы ждем луч ее. Как ждем не дождемся луча солнечного в ненастные дни. Только она, паче солнца сияющая и животворящая. В силах просветить и оживотворить, одушевить и поднять блуждающих и изнемогающих во тьме и сени смертной.

Зная ненадежность и изменчивость человеческих светочей истины, Господь для хранения этой небесной истины создал св. Церковь, незыблемую, нерушимую до скончания века. Хранимая св. Церковью истина светит и теперь, греет и теперь мир при всем мраке и холоде человеческих заблуждений. Так в ненастный день светит и греет солнце. Хотя его и не видно за облаками. И не только светит ныне в мире св. истина Христова, но творит свое великое дело перерождения и обновления греховного мира и, может быть, творит даже сильнее и тверже, чем в другое обычное, спокойное время. Слышим шум, видим брожение кругом себя... Но да не смущается сердце наше. Действие закваски евангельской в такие времена всегда бывало особенно сильно и успешно. Движение продолжительно, борение сильное, много сторон жизни и науки охвачено мощным движением: значит многосторонне будут и действие св. закваски. Сколько таких движений видел уже мир, какие перевороты совершались в жизни народов, сколько раз слабые и робкие сердца в тревоге устремлялись к небу с мыслию: будет ли конец борьбе, устоит ли мир, выдержит ли грубый напор мира св. Церковь и св. истина? Но устоял

мир, устояла св. Церковь, жизнь народов вновь входила в порядок и знаменовалась особенно пышным торжеством Христовой истины. Она все глубже входила в жизнь и убеждения людей... Как пахарь глубоко бороздит землю плугом, нещадно терзает грудь ее бороной, чтобы приготовить ее для посева. Тем глубже проводить борозду, тем нещаднее терзать ее бороной, чем больше на ней сорных трав и зарослей, так и Христос. Много сорных трав вросло в сердцах наших. Они неспособны стали воспринимать и возвращать благое семя евангельское. Горе, беды, страдания избородят наши черствые души, как борона истерзает их смута, раздор, дождем польет их горькие слезы, пот и кровь; и когда почва таким образом будет приготовлена, небесный Сеятель засеет наши души семенем св. Истины, мира и любви. Святое семя вырастет и принесет обильный плод.

Но пока совершится это святое дело, в слух каждого из нас пусть раздаются слова: «спасайтесь от рода развращенного» (Дн. 2:40). Стремящегося засеять наши души плевелами: ложью вместо истины, раздором вместо мира, ненавистью к брату вместо любви. И не только свой челнок надобно спасти от потопления, но должно, по мере сил, способствовать торжеству истины, мира и любви и среди братий. В том и другом случае нужно не только знание истины, но и препоясание ею.

Препоясание истиною означает полное усвоение ее (Мф. 7:24) уму и сердцу. Для борьбы с искушениями и соблазнами века и вообще для совершения доброго подвига необходимы ясность мысли, твердость убеждений. «Всею ему же веровах» (2 Тим. 1:12). Вот слова препоясанных истиною.

Этой, между прочим, черты не достанет нашему лживому, лукавому времени. Мало стало мужей силы. Все трости, колеблемые ветром. Сегодня гнутся они в одну сторону, а завтра, если изменится ветер. С тем же равнодушным льстивым шелестом погнутся в другую. К таковым особенно относятся слова Апостола: «станьте же твердо, препоясани чресла ваши истиною!»

Препоясание истиною означает далее постоянное бодрствование над собою, постоянное стремление согласовать свои чувства, мысли, желания и поступки с тем, что благоугодно Богу (Еф.5:10). Это - постоянная сосредоточенность. Самособранность духа, серьезность. Искушение тем и сильно, что постигает нас неожиданно, вдруг. «Если бы знал хозяин дома, когда в какой час придет вор, то не дал бы подкопать дома своего» (Мф. 24:43). Как вихрь, налетают искушения и беды, закрутят, завертят и несчастный, застигнутый врасплох, теряет представление о направлении: вместо того, чтобы бежать от пропасти к дому, бежит от дома к пропасти, вместо того, чтобы попав в пучину, плыть к берегу, плывет от берега и тонет, гибнет безвозвратно. Это потому что задремал, а нужно было бодрствовать, рассеялся, а нужно было быть на страже! Для пришедших в смятение среди бед и напастей нынешних дней, и несущихся к верной гибели есть еще спасение: препоясанные истиною, в вихре бед и искушений сохранившие здоровое сознание, - возвысьте голос из глубины любящего сердца мощно, именем Христа зовите их от пути заблуждения их! Господь укрепит вас и поможет вам спасти гибнущих среди искушений братьев.

Препоясание истиною означает, наконец, постоянную готовность быть тем, к чему она обязует. Воля Господня каждому из нас ясно, как день, указывает свое место, свои обязанности, и только там, где каждый твердо стоит на своем месте, при своем деле. Мыслимо благоденствие и счастье. Жизнь - борьба, жизнь - подвиг. Воин стоит на своей страже: ветер рвет его платье. Холод пронизывает до мозга костей. Но он стоит, не смеет сойти и не сходит. Так и каждый из нас на своем жизненном посту должен сносить посылаемые ему беды и искушения. Постыдно бежать с поля брани, еще постыднее сдаваться врагу. Если под давлением бед и смут начинается слабеть чувство гражданского долга и чести, пусть живая вера будет вашим оплотом и ограждением: «Богу так угодно, да будет его святая воля и в жизни, и в смерти

моей!» Грозные тучи собираются и виснут над головой в иной летний день; страшно тяжело; уныние силится овладеть душой. Но вдруг этой тучи не стало, облака куда-то умчались. Открылось чистое, голубое небо. Пуще прежнего сверкают лучи солнечные, как бы радуясь победе над надвигавшейся тьмой. Так часто бывает в жизни... «Маловажный, зачем ты усомнился?» (Мф. 14:31) Восклицает Господь, как некогда Петру, каждому Своему верному последователю, тонущему в многомятежных волнах житейского моря. «Я здесь, ободритесь, не бойтесь!». «В моей руке все эти ветры и громы, и молнии!» И слабеющий дух воина Христова вновь исполняется бодрости, крепнет. И бодро, и смело, подобно могучему дубу, грудью встречает он бурю. Ломится, но не погнется. Сломится, если будет одинок. Но, если могучею стеною, твердо станет брат к брату, все верные воины рати Христовой, тогда никакие бури ни церкви, ни отчизне не страшны!

Итак, препоясавши чресла ваши истиною, станьте твердо в ясном. Серьезном сознании и исполнении долга! Сами собой отпадут тогда все обдержавшие нас беды, для нас откроется «обетованная», давно желанная земля мира, любви, успокоения. Аминь.

1923 год. Православный журнал «Вера и жизнь»

№ 1-2, 1923 г., февраль – Статья архиепископа Иоанна «Облекитесь во всеоружие Божие...», с. 4-9.

Духовная жажда

Жаждет душа моя к Богу крепкому живому. (Пс. 41:3)

Немногие из нас, жителей нашего богатого водами края знают, что такое жажда.

Когда хочется пить, мы имеем и возможность пить. Муки жажды нам неведомы. Но посмотрите на Агарь, блуждающую с младенцем на руках по знойной безводной пустыне, израсходовавшую весь запас воды, с жаждущим младенцем на руках. Когда она в отчаянии бросает дитя под куст с воплем: «Я не хочу, я не могу видеть смерти дитяти своего» (Быт. 21:16), она познала муки жажды. Или представьте себя там, на Востоке, среди сыпучих, раскаленных песков знойной пустыни караван. Очутившийся без воды: он мечется из стороны в сторону, ему всюду мерещится вода, слышится журчанье ручья, он ищет только воды и не находит воды; здесь знают, что такое жажда. Напоминать ли вам еще о корабле посреди океана, оставшимся без пресной воды и на воде стонущем о воде: на нем знают, что такое жажда. Напоминать ли еще вам об умирающем, снедаемом внутренним жаром: ему кажется, что все счастье, вся жизнь в глотке студеной, чистой воды.

Кто в путешествии, в болезни, лихорадке, в жару испытал это томление всего существа своего по воде, и только по воде, этот пожирающий огонь жажды, это трепетное биение сердца, это горение в груди, эти пересыхающие язык и губы, стынувший в ужасе мозг, когда кажется все блаженство, весь смысл, вся цель жизни в глотке, в капельке воды («омочи перст, остуди язык мой» Лк. 16:24), - тот знает и запомнит раз навсегда, что даже ощущение голода не так остро, как переживание жажды, тот поймет и эти слова псалмопевца: «как жаждет олень по источникам воды, так жаждет душа моя по крепкому живому Богу».

Кто этот псалмопевец, запечатлевший в слове свои переживания жажды по крепкому живому Богу? Древние хотят видеть автора псалма в Давиде, остро переживавшем жажду крепкого живого Бога во время бегства и гонения Авессаломова. Новейшие толковники склонны видеть в этом псалме кто вопль души пленного царя Иоакима, кто песнь Маккавеев, жаждущих крепкого живого Бога для раскрепощения и возрождения русского народа. В Псалтири этот псалом именуется песнею сынов Кореевых. Эти сыны Кореевы составляли один из хоров

Давида. Псалмы сынов Кореевых принадлежат к числу самых прекрасных в Псалтири. Сдается мне, что эти псалмы могли родиться во время одного из пленений, изгнаний, когда и эти сыны Кореевы, певцы Иеговы, оторванные насильственно от родных святынь и своего святого дела, томилась по храму и Боге, когда им грубо и насмешливо говорили: «где Бог ваш, Которому вы пели и служили - воспойте нам от песней Сионских!» Ожили в душе певца бывшие счастливые дни, когда мощно, свободно раздавались в родном краю песни крепкому живому Богу. Мерещатся певцу на суровой безбожной чужбине и Иордан, и Ермон, и Ливан, и Иерусалим, и храм, и хоры дивных певцов, и толпы родного народа, и все родное, дорогое, проникнутое именем и духом крепкого живого Бога. Пробуждается в душе томление непреодолимое, мучительное. Он - как олень, преследуемый охотниками. Он устал, изнемогает, он чувствует близкого врага, трепещет, напрягается, но над всеми его переживаниями господствует жажда: ручеек бы, глоточек бы чистой, студеной воды и еще можно бы спастись, воскресли бы силы и для бега и для борьбы. Подобное пережил псалмопевец. Он берет за псалтирь и поет: «как жаждет олень по источникам воды, так жаждет душа моя по крепкому живому Богу». «Слезы мои были для меня хлебом моим день и ночь. Когда говорили мне всякий день: где Бог твой?.. Как бы поражая кости мои, ругаются надо мною враги мои, когда говорят мне всякий день: где Бог твой? Но что унываешь ты душа моя и что смущаешься? Уповай на Бога.» (Пс. 41).

«Жаждет душа моя к Богу крепкому живому». Здесь дело идет о Боге живом и источнике жизни, о свете и источнике света. И клятвенное и приветствие у еврея: «жив Господь!». Они боролись с врагами, как воины «Живого бога». С презрением они смотрели на идолов чужбины, ибо они знали «Живого Бога» (Иер. 10 гл.). И плачут они в плену, на чужбине не о родной земле только, не только о могилах предков, о храме, о жертвеннике, о праздниках, - нет, душа их жаждет на чужбине Бога, крепкого живого Бога.

Скажут: все это трогательно, красиво, возвышенно, но ведь от этих жаждущих. От этой народности осталась только тень и эти песни их лишь эхо былого, лишь искорки из под пепла Иерусалимского храма...

Так ли это? Уже то показательно, что в этой песне одни слышат голос Давида, другие голос Иоакима, третьи голос Маккавеев, что 900 лет, разделяющие Давида и Маккавеев, не состарили переживаний души, воплощенных в этой песне; они также естественны для времен Давида, как для времени Маккавеев. Обращаем внимание и на то, что этот псалом, переведенный едва ли не на все языки мира, у всех народов стал выразительной песней верующих. Это голос души не только псалмопевца, не только Израиля, но и верующих первого периода христианства, и средневековья, и настоящего времени. Эта песня заставляет биться верующее сердце и в Гренландии, и в южных пределах земли. Сколько на земле различных вероисповеданий, сект, расколов, препирающихся между собою, спорящихся, но все сходятся душою на этой песне о жаждущем олене, как на песне души своей, жаждущей Бога живого. Если где, то здесь слышится голос всего человечества, голос человека вообще. Это ощущение оленя, в беге томящегося жаждою. Это вопль души: «что унываешь ты, душа моя, что смущаешься? Уповай на Бога, крепкого живого» - есть вопль души, ищущей Бога всюду и всегда.

Жаворонок неизменно поднимается к небесам. Песнь соловья не старится. Единою песни души, жаждущей Бога, могла быть Палестина, могло быть время Давида или другое, но ее содержание, ее настроение отражают и воплощают потребность души человека всех мест. Всех времен; это вопль души общечеловеческий.

Жажда Бога, потребность религии в разумном человеке также сильна, как потребность пищи и питья. Даже сильнее. История дает нам несчетные примеры, когда для удовлетворения жажды живого Бога человек забывал и голод, и жажду, и холод, и огонь палящий, и муки, и смерть.

Разверните жития подвижников, мучеников, исповедников, и вы увидите там несчетные сонмы «духовной жаждою томимых», приносящих в жертву удовлетворению этой жажды все свое и себя. Томимые этой жаждою Апостолы «оставили все» и пошли за Христа на изгнание, мучения и смерть. Попытки заглушить эту жажду отвлекающими средствами мирских мудрований и удовольствий, попытки задавить, забыть про нее и про сладость удовлетворения ее перед лицом суровых запретов, ядовитых насмешек, угроз, мучений, смерти лишь больше разжигали ее.

Чем больше человек поднимается над уровнем чувственной животной жизни, тем сильнее и напряженной обнаруживается эта потребность. Всюду алтари. Всюду храмы, всюду возношение души «горе» и молитва, всюду палящая жажда Божественного, возвышенного, невидимого, непостижимого, всюду это смиряющее, подавляющее и вместе возвышающее чувство высшей силы, которая над нами. Если встретились бы исключения, то они лишь подтвердили бы правило. Указывают на готтентотов, самоедов и др. дикарей, стоящих на самых низших ступенях развития и, якобы, живущих без религии, указывают на атеистов – людей высокого образования и культуры, якобы, не признающих бога и не знающих потребности Бога. Но когда вы ближе присмотритесь к первым, вы убедитесь, что и эти жалкие люди не обходятся без веры в таинственное, неведомое, что в решительные минуты жизни и они умом и сердцем обращаются «горе», к неведомому, таинственному. Правда, их религиозные проявления грубы, примитивны, мало осмыслены или даже прямо нелепы, но ведь и вся жизнь этих несчастных людей не отличается ни утонченностью, ни даже разумностью. Внешние обстоятельства с такою силою наступают на них, что у них, как у осажденных сильнейшим врагом, постепенно притупляются и смекалка и энергия, они впадают в апатию, тупеют, грубеют, опускаются все ниже и ниже. Когда осажденные врагом от голода и жажды начинают есть непотребное, пить грязную жидкость из стоков, тогда можно прийти к заключению, что было бы лучше вообще не есть и не пить, но именно эти чрезвычайные обстоятельства доказывают, что человек без этого не может жить и быть. Он в отупении и огрубении готов с голоду что угодно есть, но есть, что угодно пить, но пить, во что угодно верить, но верить, чему угодно молиться, но молиться. Если бы даже оказалось, что нашелся бы человек, группа людей, целый народ, в ком разные неблагоприятные обстоятельства подавили жажду и алчбу Бога, то и это еще не было бы отвержением потребности религиозной. Или человек от того перестает быть разумным существом вообще, что существуют идиоты?

Затем об атеистах. Они отрицают Бога. Но ведь отрицанию должно предшествовать признание, утверждение. Истина существовала раньше, чем признание, утверждение. Истина существовала раньше, чем признание ее и отрицание ее. Всегда были отрицатели Бога и религии, но всегда там, где были и верующие, и по большей части и сами эти отрицатели ранее были верующими. У греков запутавшийся клубок философии привел к тому, что некоторые стали отрицать Бога. У евреев это было реакцией против морали книжников. В новейшее время к атеизму приводят и путаница философии и нравственное самоуничтожение или отчаяние смятенного духа. Если бы это было естественным состоянием, как объяснили бы вы тогда напряженность богоотрицания и вражды против религии? В шутовском тоне некто сказал, что атеизм это один из членов символа вера. Чтобы быть последовательными, религию должны бы забыть, а не бороться против нее. Да, это должны бы сделать вы, неверы! Но этого вы не можете сделать. Есть в человеке такие основные принципы внутренней жизни и существования, которые можно отрицать, высмеивать, насиловать, но забыть нельзя. Евреи справедливо говорили: начало премудрости - страх Господень. Кто сознательно хочет быть безумцем, тот должен повторять в сердце своем: «Бога нет». Я знал больного, который заболел водобоязнью, с ужасом отвращался от воды и умер от жажды. Что же, водобоязнь обосновывает ли отрицание воды и жажды?... Мы наблюдаем великие государства и города и малые селения - и ни одного без религии. Плутарх говорит: «Посмотрите на лице земли: вы найдете города без

украшений, без наук, без чиновачалия, увидите людей без постоянных жилищ, не знающих употребления монет, не имеющих понятия об изящных искусствах, но не найдете ни одного человеческого общества без веры в Божество». Колодезь и церковь – вот вокруг чего группируются люди даже самой первобытной общины. Жажда объединяет их, жажда тел (уст) по воде, и жажда души по Богу.

Великий Отец Церкви говорит: «душа моя из Тебя, Боже, и она не находит покоя без Тебя, Боже». Господь создал нас по образу и подобию Своему, Бог живой создал душу живу и все, что живет и достойно жизни в нашей душе, живет только через единение с Богом, с Тем, кто вечно живет. Как магнитная стрелка вечно стремится к северу, как подсолнечник к солнцу, так душа наша, если ей не препятствует ничто противоестественное, стремится к Богу. Когда твоя душа начинает остывать для Бога под влиянием мудрований века сего, посмотри на мать, которая впервые повествует дитяти об отце Небесном и учит его складывать ручку для молитвы: не кажется ли, что она сообщает дитяти нечто такое, что давно уже заложено в душу его, что оно предчувствовало, чувствовало? Посмотри на старика, который не ждет от жизни уже ничего, как блистает взор его в последней молитве! Посмотри на лихорадочное беспокойство нашего времени, как, несмотря на все успехи науки, искусств, на усовершенствования культурной жизни, горит она, не сыта, неудовлетворенна!? Что это за беспокойство, которое ничем в этом мире не может быть насыщено? Это небесное в земном стремится к небу, это божественное в человеке стремится к Богу, это живая душа жаждет живого Бога.

Когда дитя рождается в мир, зрение его еще слабо, оно плохо различает окружающее, слабы ручки и ножки для деятельности, голова для мышления. Но головка уже беспокойно поворачивается к своей матери, в поисках ее груди, и находит ее и насыщается. Говорят: это инстинкт. По мне – называйте это инстинктом, но одно несомненно, что это разумное, естественное стремление. Таково же стремление человека к Богу – жажда Бога. Не трать труда доказывать неверу то, что доказывает сама природа. Если глухой стал бы доказывать, что не существует звуковых впечатлений, и слепорожденный, что нет световых ощущений, что мог бы ты сказать ему? «О, если бы вы не были глухи и слепы!» Когда астроном, изыскавший небо заявляет, что он не нашел там места для Бога, мы можем ответить ему: «Это оттого, что нет места для него в твоём сердце». Сердце нормальное, душа не искаженная грехом и пороком, не может не жаждать и жаждет к Богу, крепкому, живому.

1923 год. Православный журнал «Вера и жизнь»

№5-6, 1923 г. – Статья архиепископа Иоанна «Духовная жажда», с. 1-7.

Слово, произнесенное Архиепископом Иоанном 16 сентября 1923 года в Кафедральном соборе

«На горе Преобразился еси и, якоже вмещаху ученицы Твоя, Славу Твою, Христе Боже, видеша, да егда Тя узрят распинаема, страдания убо уразумеют вольная, мирови же проповедь: яко Ты еси воистину Отчее сияние».

В этой священной песне определяется цель и значение явлений славы Господней людям. В явлениях славы Господней верующие могут и должны почерпать бодрость, крепость духа во времена искушений и испытаний, когда приходится видеть Господа распинаема, его св. церковь в поношении и гонении, его св. дело в попрании и поругании. Если св. пророки, апостолы, исповедники и мученики посреди ужаснейших гонений и мучений, перед лицом смерти хранили и проповедовали бодрую верность Господу, то в этом подвиге первостепенное значение имели ранее видимые ими явления славы Господней, свято сохраненные в благочестивой памяти. Неблагодарно забывающие явления славы Господней лишают себя

великого и святого источника духовной бодрости и силы, обрекают себя на уныние, смятение и отчаяние в бедах, навлекают на себя справедливый гнев Господень. «Горе тебе Хоразин, горе тебе, Вифсаида, ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада ниспровергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11:20-24). Вдумайтесь, за что Господь приравнивает эти города беззаконнейшим Тиру, Сидону, Содому? За что грозит им карой? Они забыли, пренебрегли бывшие в них явления славы Господней. По понятиям мира сего такое беспамятство - совершенно неважный недочет в человеке. Люди мира сего стесняются говорить о слабости своего ума и воли, но о слабости своей памяти они говорят, не стесняясь. Даже фальшивый, лживой, лицемерной памяти, которая гораздо хуже слабой памяти, сын мира сего не стыдится. Ничтожное, мелкое, злое, пошлое сын мира сего тщательно складывает в своей памяти, а великое, Святое, доброе забывает и думает что это: «ничего», дело маловажное. Но Христос на это дело смотрит иначе. Легкомысленную забывчивость, тупое беспамятство, лживую, лицемерную память мира сего Он объявляет тягчайшим грехом, влекущим за собою роковые последствия. И, конечно, как всегда, суд Его праведен. Вникните, как часто мы тягчайшим образом прегрешаем против ближних только оттого, что сделанное ими нам великое добро забываем, а причиненные нам мелкие обиды и зло помним. Проследите свою жизнь, свои отношения к самым близким, дорогим. Проследите свои отношения к родителям, свои взаимоотношения в супружестве. Часто бывает достаточно одного какого-нибудь слова, поступка для вас огорчительного, может быть и подлинно неудачного, грубого, явившегося следствием раздражения, усталости, расстроенного здоровья, ошибки, чтобы это роковое слово, этот случайный поступок пленил всю вашу память, вытеснил из нее все то милое, дорогое, доброе, святое, чистое, что накоплялось в памяти годами, десятками лет. Родители, которые еще несколько моментов тому назад казались вам воплощением добра и благодетельства, теперь кажутся врагами вашей свободы и счастья. Отчий дом, который был для вас святилищем, теперь кажется - мрачною тюрьмою, жена, которая доселе была для вас ангелом мира, теперь обратилась в бабу-ягу, муж, который был защитником и опорой, теперь стал деспотом и извергом, семейный очаг, который доселе был светлым, уютным убежищем мира, любви и радости, теперь стал вдруг адом крошечным. Примирение кажется невозможным и ненужным. Между тем, дело просто. Отрешись от лживой, фальшивой, лицемерной памяти. Восстанови на счетах твоей памяти наряду с огорчениями текущего все былые радости, все бывшее добро, все бывшее чистое, святое и ты увидишь, как ты неправ, как зол и несправедлив.

Проследите свои отношения к Богу и вы увидите, что и здесь имеет место то забвение явлений любви Божией, Божьего милосердия, явлений Его славы, то лживое, лицемерное памятование о сих явлениях. На протяжении всей истории человечества, на протяжении всего слова Божия, мы постоянно слышим увещание: «Помни, помни, не забывай всех воздаяний Его». Нет лучшего назидания для нашей торопливой, суетливой, тщеславной и лживой современности, как это: «Помни, помни, не забывай». На протяжении всей истории человечества и всего слова Божия постоянно слышится обличение человека в забывчивости. «Родившего тебя ты забыл и не помнил Бога, создавшего тебя» (Втор. 32:18). «Вы забыли питающего вас Бога» (Вар. 4:8). «Вол знает владетеля своего и осел ясли господина своего, а народ Мой не помнит Меня, не понимает». (Ис. 1:3). Вот капернаумляне, толпами стекались они ко Христу и слушали Его учение и умилялись, наблюдая Его жизнь и чудеса и поражались, принимая без счета благодеяния Его и восторгались Им. С каким увлечением делились они вечерним часом у домашнего очага всем виденным и слышанным в следовании за Христом. Но на этом дело и стало. Новые впечатления нового дня, злостная агитация врагов Христа и собственное забывчивое легкомыслие сделали то, что все то светлое, доброе, святое, что дало им

следование за Христом, забылось. Шумливый текущий день заглушил святые отзвуки былого. Христос пронесся для них, как метеор, и не стал путеводною звездой. Неблагодарные, беспамятливые капернаумяне! Они не только забыли бывшие пред ними явления славы Господней, но и свои голоса в день распятия присоединили к безумному воплю толпы: «распни, распни Его», и они небесному Учителю и благодетелю предпочли Варраву. Таково преступное беспамятство «людей сих», «народа сего». Но они ли только грешны таким неблагодарным беспамятством? Оглянитесь на жизнь современных нам великих народов и на свою собственную жизнь. Разве и в жизни тех великих современных народов, которые в настоящее время или отстают от Господа или даже восстают на Него, не было великих явлений славы и милосердия Божия? Вчитайтесь в страницы истории великих современных народов и вы увидите, что в неблагодарном беспамятстве эти народы превзошли израильтян и капернаумян.

Так как я вижу пред собою многолюдную разноплеменную аудиторию, то приглашаю каждого из просвещенных слушателей мысленно окинуть взором историю своего народа и убедиться, как часто и современные христианские народы грешат неблагодарным беспамятством по отношению к Богу. Но так как громадное большинство моих сегодняшних слушателей составляют сыны и дочери великого русского народа, то на данных истории русского народа остановим внимание во всеуслышание. Как неисчерпаемо богатство явлений славы и милосердия Божия в истории русского народа. Спуститесь к самым истокам этой тысячелетней истории, когда «славянские ручьи» еще только начинают вливаться в «русское море», проследите потом, как ширится и углубляется это «русское море», как оно борется с враждебными течениями и побеждает их, и вы поймете, что здесь приходится иметь дело не с явлениями силы человеческой, а с явлениями славы и милосердия Божия. Почитайте свидетельства, занесенные на скрижали истории просвещенными и богопросвещенными мужами русского народа от дней древних и до последних дней, и вы убедитесь, что во все времена были люди, которые видели и понимали явления славы и милосердия Божия в судьбах русского народа и возвещали о них всему миру. Вся эта история – чудо милости Божией. Окиньте взором лице земли русской и вы увидите несчетные памятники на могилах сынов русского народа, памятники великих событий из жизни народа и даже в тех случаях, когда памятники эти не храмы и не обители, - а большинство этих памятников именно храмы и обители, - вы увидите на них надписи, смысл которых сводится к знаменитому изречению: «не нам, Господи, не нам, а имени Твоему слава» (Пс. 113:9). И все-таки современный сын великого народа не всегда помнит явления славы и милости Божией в судьбах своего народа. Разве это не беспамятство, разве не фальшивая память?

Само собою разумеется, что не только современные сыны русского народа грешат таким неблагодарным беспамятством и фальшивою памятью... Забвение явлений славы Божьей, явлений милосердия Божия, искажение свидетельств о сих явлениях, беспамятство и фальшивая, лживая память становятся повальною болезнью для современных народов. Не только из текущей жизни стремятся изгнать Бога, но и со страниц истории, с исторических памятников стремятся стереть имя Бога. «Нам самим, нам самим, а не имени Божию подобает слава», в беспамятстве и ослеплении, наперекор свидетельству истории, вопит современность.

Древний грек верил, что в загробном мире течет река Лета, вода которой дает пьющим ее забвение прошлого. Безотрадное верование, безотрадный идеал. Не таковы верования и идеалы христианина. Христианин не ищет вод Леты. Он свое былое, былое народа своего, былое человечества считает своим долгом хранить в честной, правильной, верной, нелицемерной и не лживой памяти. Никакое горе, никакое испытание не страшно тому, кто в безотрадные минуты беды и горя черпает утешение и ободрение из непрестанно текущего через поле жизни человека и человечества потока правдивой памяти. Трезвое воспоминание о

былых явлениях славы и милосердия Божия, о явлениях непреоборимой любви и правды Божией, о непрестанном промысле Божиим дает человеку спокойную, уверенную силу для перенесения бед и скорбей, для преодоления искушений и испытаний, для восстания и возрождения после самых глубоких падений. Когда на великого мужа силы Давида обрушились несказанные беды и он недалек был от смятения и отчаяния, где ищет и находит для себя источник силы и мужества? «Вспоминаю дни древние, размышляю о всех делах твоих, рассуждаю о делах рук Твоих» (Пс. 142:5) «Ты посылаешь на меня многие лютые и лютые беды, но и опять оживляешь меня и из бездн земли опять выводил меня. Боже, Ты наставлял меня от юности моей доныне я возвещаю чудеса Твои. И до старости, и до седины не оставь меня, Боже, доколе не возвещу силы твоей роду сему и всем грядущим родам могущества Твоего» (Пс. 70). «Когда кипело сердце мое и терзалась внутренность моя; тогда я был невежда и не разумел. – Но я всегда с тобою. Ты руководишь меня советом твоим и потом примешь меня во славу. Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек. Ибо, вот удаляющие себя от тебя гибнут; Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя. А мое благо приближаться к Богу. На Господа я возложил упование мое, чтобы всегда возвещать дела Твои» (Пс. 72). Что привело блудного сына к восстанию из глубины падения и к возрождению? Он вспомнил святое былое. А современность разве не дает нам примеров, когда воспоминание былых времен и своего личного былого воскрешало духовно умерших? На этих днях в печати был отмечен разительный случай. Профессиональная служительница порока, отверженная обществом, обреченная на гибель, наряжаясь перед началом очередного порочно-разгульного «вечера», разбираясь в безделушках своего непристойного наряда, внезапно наткнулась на заброшенное в такое непристойное соседство св. Евангелие, дар и благословение матери, с надписью: «Не забывай Господа и Спасителя твоего». Святые, светлые воспоминания охватили ее душу. Она вспомнила былое, мать свою, себя самое, чистую, исполненную добрых намерений и надежд, веры в Бога и людей... И этот момент воскресения в ней былого был моментом ее духовного воскресения. Ныне эта, возродившаяся под влиянием былого, душа является душой возрождения душ падших для целой страны. Трезвая, честная память былого спасает не только отдельных лиц, она якорь спасения для целых народов. Посмотрите на евреев в плену Вавилонском, в рабстве, в крайней нищете, унижении, рассеянии. Что спасает их от гибели? Память о великом былом, о бесконечной веренице былых явлений славы и милосердия Божия служила для них прочным основанием бодрой веры в великое грядущее и источником силы для перенесения тяжелого настоящего (Пс. 136:5-6). Скажите, если бы великий русский народ свято хранил в памяти разносторонне засвидетельствованные историей былые времена явления славы и милосердия Божия, бывшие на Руси, могли ли бы ему навязать отступники и пришельцы все то, что ему навязали в последние годы? Допустил ли бы он до поругания свою веру, свои святыни, своих великих предков и великих сынов настоящих? Допустил бы он до разграбления и опустошения свою родную землю? Мог ли он допустить до посмеяния и оплевания свое национальное достоинство?

И чрез жизнь каждого отдельного человека немолчно льется поток благодетельных Божиих явлений Его славы и милосердия. И что же? Человек или вовсе не обращает внимания на них или, обратив на них внимание, перетолковывает их по своему или, обратив внимание на краткий миг, потом забывает их и не вспоминает.

Многие, прожив на свете 30, 40, 50, 60 лет, когда подводят итог пережитому, в памяти своей обретают лишь сор, грязь, нечистоту, пошлость и готовы сказать, что «жизнь пустая и глупая шутка» и готовы обращаться и с своею, а особенно с чужою жизнью как с пустою и глупою шуткою. Но неужели же есть на свете человек, в чьей жизни, в детстве, в юности, в отношениях к матери, к отцу, к родине, к делу, к Богу не было ничего светлого, чистого, радостного, святого? По справедливому уверению поэта (Mierina) такого горемыки нет на

свете. Только люди без памяти, только люди с фальшивой памятью могут говорить иное. Если ничто так не располагает человека к исполнению долга, как благодарная честная память о добре, полученном в жизни от Бога и близких, то самыми неверными долгу людьми всегда являются эти не помнящие добра люди. Эти неблагодарные люди с фальшивой памятью.

Гибнут общества, гибнут народы, гибнут государства, когда в них начинают преобладать эти непомнящие и фальшиво помнящие люди, эти неблагодарные люди обращающие жизнь в пустую и глупую шутку, эти люди без святого былого. Нерадение о долге, упущение долга неизменный спутник неблагодарного беспамятства и лживой памяти; святые слова: ближний, родина, отечество, церковь, Бог для людей, не помнящих или фальшиво помнящих былое, - ничего не говорящие звуки. Я уверен, что среди искренних православных христиан нет людей сознательно неблагодарно отвергающих явления славы божией и милосердия Божия в былом и сознательно отвергающих веления долга. Но от нерадения и упущений по слабости не свободны и верующие. Подобно великому сыну великого английского народа Карлейлю, каждый день мы должны бы встречать приветом: «из вечности ты пришел к нам и в вечность уходишь, но от нас ты должен уйти не иначе, как в сопровождении добрых дел». Возьмите же в руки календарь и проверьте прошедшие, прожитые дни, есть ли среди них прожитые так, как должно? То усталость нам мешала, то горе, то веселье, то недуги, то друзья, то враги. И нет, кажется, дня, когда было бы исполнено все, что надлежало исполнить. Между тем все эти прошлые дни прошли безвозвратно. Что упущено, то упущено, и что потеряно, то потеряно на всю вечность. В школе мы переводили из римского поэта: «О, если бы божество нам вернуло бы наше прошлое». Тогда мы относились шутливо к словам великого поэта. Но ныне многие из нас уже во всей серьезности постигли суровый смысл сих слов. Тот же Карлейль, который так глубоко и серьезно смотрел на жизнь, однажды вернувшись из далекого и продолжительного путешествия, застал свою горячо любимую супругу бездыханною. Она внезапно скончалась всего лишь за несколько минут до его приезда. «О, если бы ты подождала меня еще лишь несколько минут, я сказал бы тебе то, чего не успел сказать: как безгранично я тебя любил». Но эти роковые «несколько минут» прошли безвозвратно. И великий Карлейль вынужден был пережить горькое сознание упущенного долга. В обыденной жизни среди обыденных людей эти упущения повседневы. Как часто нам духовным приходится видеть у края разверстой могилы близких почившему, в отчаянии ломающих руки и рвущих на себе волосы: годами жили вместе с почившим и не улучшили минуты испросить у него прощения, примириться с ним, успокоить его и свою душу, откладывали исполнение св. долга со дня на день и дожили до рокового дня, когда исполнить св. долг примирения стало невозможно. Каждодневно на своем жизненном пути мы встречаем сотни людей, и многих мы встречаем в последний раз. Думаем ли мы о том, что по отношению к каждому из них у нас есть свой долг, который сегодня еще можно исполнить, а завтра может быть уже будет поздно? О, если бы мы это помнили! Человек проходит за человеком, час уходит за часом, а мы, то под бременем горя, то в увлечении весельем, то ослепленные гордостью, то подавленные унынием, то утомленные повседневными заботами и не замечаем, что упускаем и одно за другим веления долга, грешим беспамятством и нерадением. А как обстоит дело с нашим долгом по отношению к родине, св. Церкви, к Богу? Как часто мы уподобляемся в понимании и исполнении общественного долга тем анекдотическим солдатам, которые убегая с своего поста защитников родины, на усвоение и увещание командира стать за родину, ответили: «А мы ведь не тутошние» и побежали дальше, сдав позицию. Пока беда не бьет прямо по нам самим, по нашим семьям, непосредственно по нашему достоянию, мы слабо сознаем свой долг и нерадиво исполняем его. Пока море пожарного огня свирепствует вдали от нас, на противоположном нам конце города или даже в самом центре его, мы готовы нерадиво сидеть у себя, сложа руки, и рассуждать: «Моя хата с краю». Как часто и в истории отдельных лиц и в истории целых обществ и народов повторяется картина нерадения, имевшая место, на поучение всему миру, в одной недалеко от нас стране. Там провозглашен был коммунистический государственный

строй, провести который в жизнь казалось делом несбыточным, ибо и интеллигентным буржуазным, и аристократическим народным верхам, и широким народным низам коммунизм казался страшным жупелом. Но искусные вожди коммунизма, учтя нерадивость сограждан в области общественного долга, смело взялись за дело. Изданы были декреты о национализации в пользу народа и государства имуществ церковных, коронных и помещичьих. «Горим», - завопили заинтересованные собственники. Но вопль их не нашел отклика в соседях. Промышленники, купцы, крестьяне и пр. сограждане рассудили: «наша хата с краю, мы авось не сгорим», и остались спокойно сидеть дома. А некоторые из мира крупных купцов и промышленников, желая подслужиться новым господам положения, стали красноречиво доказывать законность и целесообразность декретов, ударивших по «непроизводящим» и «эксплуататорам». Последующие декреты ударили по крупным промышленникам и купцам. «Горим», - завопили они. Но так как крестьянство было теперь единственным еще уцелевшим «соседом», так как декреты по крестьянству не били еще, то крестьяне и рассудили: «Наша хата с краю, мы еще не горим», и остались спокойно сидеть дома. Потом совершенно также прошли декреты, ударившие по собственности зажиточных крестьян и когда пошли декреты, разными «продналогами», «учетами», «изъятиями» выколачивающие у самого бедного бедняка крестьянина «излишки» хлеба, масла, яиц и пр., уже и крика «горим» не стало слышно, ибо всякая собственность в целой стране сгорела, вследствие общественного нерадения. Ныне в этой стране общественного нерадения декреты берут уже на учет и национализируют мускулы и мозг «товарищей граждан» и при национализации мозговой и мускульной силы уже не слышится даже вопля: «горим», ибо нагие, голодные люди, отрешенные от всякой собственности и от себя самих, свое тело, свою душу перестали считать своею собственностью, они молчаливо, нерадиво стали мыслить себя собственностью, безответными рабами той силы, которая, учтя их общественное нерадение, разъединив, сковала их от края до края железною цепью коварных декретов. Так один из величайших и могущественнейших в мире народов, народ, расковавший цепи рабства у целого ряда братских и небратских народов, сам стал рабом по общественному нерадению своему. В этом великое предостережение для государств, для народов, для каждого гражданина, дорожающего своею личною, национальною, государственною, вероисповедною или иною какою святою свободою. Нарушение св. свободы и священных прав может начаться и не с твоей келейки, но когда оно началось, если ему вовремя не положен предел, оно будет разрастаться, расширяться. Углубляться, подтачивать основания того правового здания, в котором ты живешь и, когда рухнет здание - то рухнет и твоя келейка, хотя может быть разрушение началось и не с твоего окошечка. Вспомни то, что ты учил еще в школе: «У мельника вода плотину прососала. Беда бы невелика сначала, когда бы руки приложить», но горе тебе, если, по нерадению, руки во время не приложены. Стихия прорвет плотину, снесет твою мельницу, утопит в бушующей пучине и твое имущество, и твоих присных, и тебя самого со всеми твоими правами и свободами. Такова участь нерадивых и в жизни частной и в жизни общественной.

Язычник Александр Великий, когда ему исполнилось двадцать лет и он стал подводить итоги своей юной жизни, стал вспоминать прожитые годы, учитывать те явления милосердия Божества, которые выпали на его долю и то, как им использованы эти дары Божества, воскликнул в ужасе: уже двадцать лет прожито и ничего еще не сделано для бессмертия. Скольких из нас христиан посрамляет этот двадцатилетний язычник. Многие из нас прожили уже 20, 30, 40, 50, 60 лет, каждому из нас были даны и силы и возможности делать добро ближним, родине, Церкви. Но помнили ли мы эти возможности, исполнили ли мы свой долг? Пусть совесть каждого ответит нелицемерно на эти вопросы, пусть каждый подумает и о том, как горьки плоды неблагодарного беспамятства и беспамятного нерадения. Пусть каждый помнит и то, что в былом нам были даны и силы, и побуждения, и возможности делать добро, исполнять свой долг, служить делу спасения и своего и ближних, но Бог весть, что ждет нас впереди. Сейчас ты помнишь бывшие на тебе явления славы и милосердия Божия, сейчас ты

горишь желанием побороть нерадение и исполнить свой долг. Так не медли же, ибо ты не знаешь срока, определенного для тебя. Может быть в этот час, когда твое сердце так усиленно стучит в груди твоей в сочувствии добру, где-нибудь в мастерской уже стучит топор, изготовляющий твой гроб. Прочь беспамятство, прочь нерадение. Аминь

1923 года, 16 сентября. Архиепископ Иоанн.

Журнал «Вера и жизнь», ноябрь 1923 года, №11, с.1-11.

Трезвитесь...

В Праздник Сретения Господня размыслим о том, что более всего препятствует в нашей жизни достойному сретению Господа и успешному, спасительному следованию за Ним. Препинающих нас зол много. Но если искать злейшее среди таких зол, то бесспорное первенство принадлежит тому, которое в современности известно под именем алкоголя, или попросту вина и пьянство. Оно всем, всегда и всюду только вредоносно. Оно никому нигде и никогда ни косвенно, ни прямо не приносит пользы для души и вечности. Оно злейшее из зол.

Но этот злейший враг людей, людям не всегда казался и кажется таковым. Он умеет прикинуться ангелом светлым и добрым и человеческая поверхностная обыденщина перестает в нем видеть злого демона. Присмотритесь к жизни минувшей и текущей и вы увидите поразительную картину. Седая древность этого заклятейшего врага человечества почитала за доброго друга. Языческая древность дошла да того, что даже обожествила пьянственного беса, установила в честь его празднества, сложила гимны и песни, воздвигла храмы. В этом тяжком грехе повинны и греки, и римляне, и ассирийцы, и вавилоняне, и египтяне и др. Свет Христова учения низверг этих идолов в прах, рассыпались храмы Вакха, Бахуса и др.

Но в сознании людей, в сердцах, в живой жизни человеческой этот поганый и лукавый бес еще жив и держится цепко и крепко. Даже среди просвещеннейших современных народов, уже тысячелетия живущих при свете Христа, лукавый бес алкоголя еще в силе. Даже просвещеннейшие, христианнейшие из современных народов не собрались еще с силою воли. Чтобы выбросить из своего сознания, сердца и жизни этого злейшего беса, это печальнейшее наследие языческой древности. Капища Бахуса разбиты, идолы низвергнуты, жрецы и жрицы упразднены. Но понятия, настроения, обычаи, созданные поклонниками Бахуса, живут и среди христиан.

По прежнему, по языческому на алкоголь во всех его несчетных видах продолжают смотреть как на доброго веселого друга, дающего подъем сил, помогающего весело препровождать время жизни, рассеивающего печаль и заботы, усугубляющего радость и веселье. Отменены специальные празднества бахусу, пьянственное служение идолу в положенные сроки, но измышлены несчетные новые поводы и сроки для этого же дела. Один маститый профессор со скорбью свидетельствует, что служение алкоголю начинает принимать характер всеобъемлемости (Бунге): пьют всегда и всюду по самым противоположным поводам: и когда встречаются и когда расстаются, и чтобы утишить голод и чтобы пробудить аппетит, в мороз для тепла, в жару, чтобы остудиться, и для сна, и для бодрствования, и в печали и в радости, и по случаю рождения и по случаю смерти, при наличии дела и по окончании и при удаче и при неудаче. Самые важные, самые святые моменты жизни неизбежно связываются с питием. Наш современник не может себя и представить, чтобы можно было справить праздник, устроить торжество частное, общественное, государственное, народное без алкоголя (вина). Торжество и празднество без алкоголя (вина) для нашего современника не торжество. И сколько тратится ума и таланта, чтобы для себя и других оправдать это позорное раболепие и идолослужение. Это пережиток языческой старины, из поэзии, из музыки, из цветов красноречия, из философии, даже из слова Божья современник вырывает ключья, чтобы сшить обманчивый

наряд для этого своего гнуснейшего порока. Но жалок и смешон этот пестрый наряд. Он не может обмануть зрячего. Присмотритесь, какими садятся люди за пиршественный стол и во что они превращаются за этим столом. По наблюдению великого писателя земли русской, за пиршественный стол садятся почтеннейшие люди, но вскоре они под влиянием выпитого вина превращаются в льстивых и хитрых лисиц, потом в грубых и злобных волков и наконец в грязных и отвратительных свиней (Толстой).

Но бес алкоголя - бес лукавый. После отвратительных, омерзительных картин пиршества, когда несчастный участник пьянственного пиршества, разбитый и физически и духовно, противный себе и другим, мучимый и угрызениями совести и головною болью, жаждет забвения, здоровья, примирения, успокоения, бес алкоголя шепчет ему: «Клин клином вышибай. Опохмелись... Хвати еще одну единственную и при том последнюю!» И несчастливец тянет руку за эту «единственную и притом последнюю», с искреннею притом решимостью, что это будет действительно последняя. Несчастливая жертва лукавого беса и не подозревает, что за первую будет следовать вторая «одна единственная и притом последняя», за вторую третья такая же и т.д., не он уже владеет сам собою, алкоголь владеет им. Страсть господствует над ним. Обыденного обывателя лукавый бес алкоголя обманывает еще и таким рассуждением: «Быть пьяницей позорно и губительно. Но какой же я пьяница, когда я и пьян-то никогда не бывал? Так, забавы, или тепла ради, или смеха ради изредка по одной хватишь». Но и это «изредка» и вредно и опасно. Может быть сегодня ты еще и не пьяница, может быть сегодня ты и владеешь собою. Но кто поручится за твоё завтра? Если даже воля твоя тверда как гранит (камень), то не забывай, что и твердый камень продалбливает капелька, если она падает на камень повторно и многократно. Те рюмочки, которые ты изо дня в день позволяешь себе, каждая понемногу, незаметно подтачивают твою волю, твою духовную силу, твою устойчивость в добре. Когда жизнь поставит тебя пред лицом тяжелых испытаний. Когда постигнет тебя неудача в делах, осложнения в семье, оскудение физических сил, горе, заботы, кто тогда поручится, что твоя подточенная рюмочками духовная мощь победоносно устоит? Помни, что не только немощные и слабые, но и мужи величайшей силы с величайших высот падали в мутные волны алкоголя и гибли безвозвратно, если они не закалили себя против алкоголя (вина) всецелым воздержанием. Александр Великий весь мир (тогда известный) покорил и не имел поражений на полях брани, но и этого мужа богатырской мощи победила, сразила, опозорила и в могилу свела страсть к алкоголю (прим. Сенека). И русская история дает немало примеров, когда богатыри, опора и надежда народа, гибли с позором для себя народа только потому, что не закалил себя воздержанием от алкоголя (вина). Если современное разливанное море алкоголя представляет опасность даже для мужей зрелых, даже для мужей силы, то можно себе представить, какой опасности подвержена современная молодежь.

Ни один отец, ни одна мать не могут быть ныне спокойны за сына и дочь, которых вся окружающая обстановка жизни тянет и толкает в это грязное болото. В некоторых кругах современной молодежи потребление алкоголя, притом в возможно больших количествах возведено в свое рода молодечество - шик. Не пить там нельзя. Если в такую среду попадает юнец с унаследованным от предков предрасположением к алкоголю, то его можно считать обреченным на гибель: быть ему рыцарем зеленого змия, носящим ад в душе своей и превращающим в ад жизнь кругом себя.

Носить ад в душе своей - это общая участь всех служителей зеленого змия. В этом их великое горе. И это горе, редко смягчается состраданием ближних; даже близкие, видя страдания пьяницы, нередко говорят со злорадством: «по делом тебе: так тебе и надо».

Но в аду, создаваемому пьяницей, мучается не он один. Близкие пьяницы становятся по истине страстотерпцами. Кто измерит и опишет страдания родителей пьяницы, когда на их седые головы сыплются и бранные слова и удары от родного сына, когда и материнская любовь

вынуждена признать безнадежную гибель родного сына! А то, что переживает жена пьяницы, разве не ад. Трепеща и плача, ждет она его грязного, смердящего, дикого, грубого, жизнь ее заевшего и, истомившись, исстрадавшись, в отчаянии проклинает его. Говорить ли еще о деточках? Это дети без рая детства, с адом вместо рая. И родной отец – Вельзевул этого ада. Рождены они хилыми, слабыми, растут впроголодь, без света и тепла любви, с чувствами страха и озлобления в сердце. Громадный процент этих деток гибнет там же в родном аду. Кто выживает, выживает не на радость себе и обществу. Одни из них потом попадают в дома для умалишенных, другие хиреют в чахотке, третьи кончают горестную жизнь свою в тюрьмах, иные налагают на себя руки. Это без вины виноватые, но обреченные люди.

Так как пьянство болезнь упорная, порок живучий, то пьяница по большей части гибнет от тяжелых многократных последствий своего порока. Временная земная жизнь пьяницы обычно кончается вследствие неизменно сопутствующих пьянству болезней легких, почек, печени, сердца, нервов и т.д., всесторонне разъеденный алкоголем организм в сопровождении безмерных страданий разрушается преждевременно. Пьяница умирает. Но не это самое ужасное в судьбе пьяницы. Самое ужасное в том, что по непреложному приговору Божию: «пьяницы Царствия Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9.10)

Чтобы понять суровость и решительность этого Божья приговора, обратите внимание на то, как влияет пьянство на духовную жизнь человека. Русская народная мысль первым винокурором считает дьявола и разве только сам дьявол может сравниться с алкоголем (вином), по дурному влиянию на духовную жизнь человека, это злейший враг всякой доброй духовной жизни. Христианские мыслители алкоголь, по справедливости, называют антиподом, противником Христа, зелием антихриста. И действительно, он всюду создает настроения и жизнь совершенно противоположную заповеди Христа. Христос ублажает смирение, нищету духовную, а пьяница себя жалкого и считает и величает и самым умным и самым сильным и самым красивым, он перестает видеть свое окаянство, он не сознает своей гибели, ему море по колено. Христос ублажает кротких. А у пьяницы злоба не знает предела. Христос ублажает плачущих о грехах, а пьяница слагает греху и пороку хвалебные гимны, поражающие бесстыдством и гнусностью, смеется там, где нужно плакать. Христос ублажает чистых сердцем, но разве не в сердце и уме пьяницы рождаются те грязные мысли, чувства и слова, разве не с пьяных глаз делаются те гнусные грязные дела, о коих не лепо есть глаголати. Христос ублажает милостивых, но никогда человек не бывает так груб и жесток, как под парами (вина) алкоголя. Христос ублажает миротворцев, алкоголь же ведет к пресловутым пьяным ссорам, пьяным дракам, пьяным убийствам. Христос ублажает гонимых за правду, но есть ли ложь более бесстыжая, чем ложь пьяницы? Христос ублажает претерпевающих поношение за веру, но нигде не поносятся имя Бога, вера и все святое так, как в среде пьяниц. Слова и дела хульные здесь возведены в правило. *Diabolus simia Dei* – Дьявол передразнивает Бога. В пьяных компаниях и сборищах издревле живет особая страсть в своих песнях, речах и церемониях извращать и передразнивать все священное. Божественное, религиозное. Кто не слышал и не видел этих гнусных извращений?

Впрочем не только божественное, религиозное, но и все вообще духовное, возвышенное, чистое пьяница загрязняет и опошляет. Возьмите область искусства и поэзии. Откуда плывет пошлость и грязь в эту область? Из пьянственных вертепов. Там непристойные песни, там скабрезные картины и статуи, там представления, от гнусности коих тошнит трезвого. Алкоголь имеет проклятое свойство загрязнять, опошлять решительно все, чего он касается, подрывать достоинство, порочить честь и добрую славу решительно всех, кто его касается. Ничто так не роняет человека, как алкоголь (вино). К человеку самых высоких дарований и великих заслуг теряют уважение, если он пьяница. Нет такого положения в жизни, которое бы не терпело ущерба от алкоголя (вина). Святые имена отец и мать перестают быть святыми

почтенными для детей, если родители подвержены пьянству. Кто доверит свое дело пьянице адвокату? Кто пойдет на исповедь к пьяному пастырю? Всем без изъятия, всюду и всегда вредит алкоголь.

И никому и никогда он не приносит пользы. Правда, те, кто торгует им имеют от него прибыль...

Вера и Жизнь №2, 1925 г., февраль – Слово против пьянства, сказанное Высокопреосвященным Иоанном, архиепископом Рижским и всея Латвии, в Рижском кафедральном соборе на всеобщем бдении накануне «Сретения Господня» 1 февраля 1925 года, с. 1-7.

Речь на панихиде. «Пожрите жертвы правды и уповайте на Господа»

И Слово Божие, и церковная мысль почитает патриарха Авраама мерилom веры и жертвенного подвига. Обратите духовный взор ваш к той самой важной и самой прекрасной минуте жизни Авраама, когда он благословенный и возвеличенный как никто до него (Быт. 12:2) «богатый зело» и простором полей и лугов и стадами, и хлебом, и сокровищами, и слугами и служанками (Быт. 13:2), и авторитетом и почетом среди ближних и дальних (Быт. 21:22), угодный Богу паче всех сынов земли, удостоенный величайших обетований, в яснейший день безоблачного счастья услышал с неба голос, грому подобный: «Авраам, Авраам!»

Семь раз уже касался слуха Авраамова этот зов и Авраам с несомненностью знал, что это голос Божий, но никогда этот голос не звучал для него так грозно и торжественно, так таинственно и повелительно. Очевидно было одно, зовет этот голос на подвиг, подвиг беспримерный. Ну что же, все от Бога и все для Бога, помыслил Авраам в смиренной вере и покорности, и отозвался: «Я здесь, Господи, повелевай рабу Твоему». Если угодна Богу жертва от стад и полей, как в Вефиде, патриарх все свое принесет. Или этого мало? Если на защиту попранной правды, на защиту обиженного брата надо двинуть в кровавую сечу чад и домочадцев, патриарх, как и в прежнее время, на защиту попранной правды готов (Быт. 14:14). Если и этого мало и Господь повелит пред лицом сурового и злого врага отступить из родного предела в землю неведомую, которую укажет Господь, патриарх и на это готов (12:1).

Но нет, ныне Господь требует еще большего подвига. «Пойми сына твоего возлюбленного, его же возлюбил еси, Исаака» радость твою, надежду твою, опору надежд, обетований и веры твоей, опору старости твоей, его Я требую в жертву.

Есть ли трагедия, равная этой трагедии верующего сердца? И тем не менее Авраам отвечает решительно и твердо, без колебаний и возражений: «Я здесь, Господи, повелевай рабу Твоему».

Великая трагедия великого русского народа подобна этой трагедии. Именно в то время, когда русский народ был близок Богу, как ни один из народов земли, когда русская земля по праву именовалась Святою Русью, когда русский народ был «богат зело» и необозримым простором полей, лугов и лесов, когда подобно морю-океану волновались спелым колосом беспредельные нивы его, когда вокруг селений его паслись несчетные стада скота, несчетные табуны коней, когда и моря и реки, и леса и доли, и недра земли несли ему несметные богатства не по дням, а по часам увеличивая его внешние блага, когда и духовные сокровища его росли и множились, когда он переживал один из яснейших и красивейших дней своих, раздался голос, призывающий на подвиг и жертву.

Голос близкий, как голос брата или сестры, как голос любящей матери, как голос родного отца, голос чистой Божией правды. Голос призывал на защиту правды и права. Что желтеющие

нивы, что стада и табуны, что кораблей караваны, что все сокровища мира, когда надо выбирать между ними и св<ятой> Божией правдой и священнейшими человеческими правами? Оставив на Божию волю и зрелые нивы, и сокровища недр родной земли, и стада, и табуны, и все попечения житейские, все народы Руси мобилизовали живые силы свои у границ поправших правду и право соседей, полагая, что это удержит врагов правды и права от задуманного злодейства. Но этого оказалось мало. Защита правды и права потребовала жертв кровию, жертв жизнями.

И двинула Русь на кровавый военный алтарь избыток живых сил своих, избыток жизней. Не для корысти, не для суетной славы, не из побуждений мстительных, а только во имя правды и права все народы Руси без изъятия несли небывало великие жертвы и от полей своих, и от стад своих, и от всех ценностей своих, а главное: бесценные жизни своих героев-сыновей. Но, по суду Господню, всего этого оказалось мало. Для того ли, чтоб довершить испытание верности и веры, для того ли, чтобы искупить грех былого раболепства пред безбожно гордым соседом, в разгаре кровавой борьбы народам Руси пришлось простереть свою готовность жертвы до мобилизации в защиту правды и права своих Исааков – сыновей единственных в семьях, которых народы Руси испокон веков привыкли считать неприкосновенными, и законом и обычаем огражденными от участия в кровавых сечах.

Но и перед этою жертвою во имя правды и права не остановились народы Руси. Подобно Аврааму они изъявили готовность и принесли на кровавый алтарь и своих Исааков, своих единственных, последнюю опору своих домашних и родовых надежд. Слово Божие не говорит нам, что пережили во время сужденных им испытаний Авраам, Сарра и Исаак. Но наши сердца громко говорят нам о том, что пережили мы, восходя все выше и выше, ступень за ступенью на кровавую нашу Голгофу. Кто опишет, кто воспоеет всю высоту и красоту подвига народов Руси, ведущих на кровавый алтарь своих Исааков, своих единственных, своих последних и первых. Наши единственные, наши Исааки шли на подвиг не в пору полусознательной юности, как библейский Исаак, а в пору сознательной зрелости, не от игрушечных домиков беспечного детства, а от домов и хозяйств, созданных тяжелым, упорным, длительным трудом, не из беспечного одиночества, а от рыдающей жены, от плачущих детей, не на краткий миг испытания под символическим ножом, а на длительное пребывание под убийственным огнем с постоянною готовностью сложить голову за правду и право.

Кто опишет, кто измерит всю тяжесть и глубину переживаний отцов и матерей, которые, не имея ни достатков, ни слуг Авраамовых, приводили на кровавый алтарь своих первенцев, своих единственных, единственную в доме рабочую силу, опору, надежду, кормильцев и оставались со внуками старые, да малые в скудной хатенке, с черствой коркой, хлеба.

Но и этого мало. Многие из этих престарелых героев попущением Божиим, были изгнаны врагом из скудного, но родного гнезда, были вынуждены влачить дни свои в дремучих лесах, после тяжелой трудовой, увенчанной беспримерным подвигом жизни, на склоне дней протягивать руку за подаянием в так называемом беженстве. Во многих сердцах в такую тяжелую пору зашевелились сомнение и страх. И именно в эту тяжелую пору появились искусители, которые в измученном страданиями сердце стремились подорвать веру в правость дела и в нужность подвига.

Слово Божие не поведало нам, как отразили искушение страха и сомнений Авраам Сарра и Исаак. Но мы знаем, как решительно отразил искушение новозаветный Исаак – Христос Спаситель. Когда Христос шел на Голгофу страданий и жертвы и сознавал, куда ведет Его скорбный путь, к Нему подошел величайший из Его учеников и, несомненно движимый чувством искреннейшей любви, сказал: «Будь милостив к Себе, Господи, да не будет с Тобою этого», – то есть уступи рыцарям зла и неправды, с которыми Ты борешься, подчинись им и тем

Ты сохранишь Свою жизнь. Христос, обратившись, сказал Петру: «Отойди от Меня, сатана, ты мне соблазн, ты думаешь не о том, что Божие, а о том, что человеческое». (Мф. 16:21-23).

Подумайте: если бы Христос остановился там, где останавливал Его смущенный шепот Петра, если бы предпочел человеческое Божескому, если бы вернулся с Голгофского пути, что было бы? Это было бы торжеством врагов над Христом, это было бы торжеством неправды над правдой. Христос знал, что за видимым торжеством врагов на Голгофе должно последовать славное воскресение, победное, всемирное торжество правды над неправдою и в этом сознании пошел навстречу безмерным страданиям, позору кажущегося поражения.

Ужасная, страшная, на мирской взгляд, позорная Голгофа на деле оказалась поражением врагов правды, торжеством Христа над врагами, и тот же Петр, который на смутившем его Голгофском страстном пути хотел отговорить Христа от священного подвига, потом стал и свидетелем победного воскресения Христова и Боговдохновенным провозвестником возрождения человечества на началах Христовой победной правды.

Что случилось бы, если бы народы Руси на безмерно тяжелом крестном пути убоялись бы сужденных им жертв? Остановились бы, сдались бы, покорились бы рыцарям высокомерной неправды и насилия? Народы Руси стонали бы ныне под тем железным игом беспросветного рабства, под каким мы - латыши - стонали в течение долгих, незабываемо тяжелых столетий. Исход великой борьбы для народов Руси после беспримерных в истории жертв и подвигов был Голгофским исходом.

Правда, за которую боролись народы Руси, казалась распятой, отпетой, погребенной. Но в настоящее время, когда мрак Голгофский уже рассеялся, разве мы не присутствуем при явлениях воскресшей и все обновляющей и все более и более широкие круги обнимающей правды. На почве Голгофских великих подвигов, совершенных народами Руси в период великой мировой борьбы, мы видим уже ныне ряд воскресших народов, уже возродивших свое бытие на началах правды и права. Сегодня в день празднования памяти славнейших из героев великой борьбы за правду и право, героев украшенных знаками св. Георгия, и финские, и эстонские, и латвийские, и литовские и польские георгиевские кавалеры могут с глубочайшим удовлетворением сознавать, что путь Голгофских подвигов, пройденный ими рядом с героями великого русского народа, был путем беспримерно славным.

Молодые суверенные народы не могут не сознавать, что железному кулаку не удалось покорить их под железное ярмо былого беспросветного рабства благодаря совокупным героическим усилиям всех тех народов, которые составили единый героический фронт против насильнических притязаний общего врага. Без ущерба для своего национального достоинства, без ущерба для заслуг своих особых национальных героев молодые народы и могут и должны хранить благодарную память о всех тех героях, которые вместе с ними боролись против поработительских устремлений пресловутого железного кулака. Мы не смеем забывать, что объединяющим и командным центром в великой борьбе был великий русский народ. В общей сумме жертв, понесенных в великой борьбе за правду и право, на его долю приходится наибольшее слагаемое.

Вместе с тем в области плодов великой борьбы русские герои имеют едва ли не самую скудную жатву. И в сегодняшней день поминовения героев великой войны, когда молодые суверенные народы имеют возможность торжествовать воскресение и возрождение свое, русские боевые товарищи их еще живут настроениями Голгофы. Но не ошибочны ли эти настроения? Обоснована ли скорбь? Не в том ли причина скорбных настроений русских героев великой борьбы, что они живут оторванно от родной среды?

Мы жили на Руси в самую тяжелую для Руси пору, но мы не могли усмотреть оснований для отчаяния в возрождении и воскресении истерзанной великой борьбой Руси. Толща народная, а мы ее наблюдали в весьма широком масштабе, не знает не только отчаяния, но и уныния. Она оправляется от великих ран, она крепнет с каждым днем и духовно и внешне. Нам хочется думать, что скорбь пребывающих вдали от родного народа есть скорбь неведения и нетерпеливости. Процессы в великом организме идут не так быстро, как в малых, но они идут, и героям, показавшим способность на величайшие подвиги на защиту прав своего великого народа, надо приобщиться великому подвигу терпения.

Для восприятия Христа Воскресшего малыми селениями было достаточно самого короткого срока после Голгофы, но для возрождения великого Рима понадобились долгие годы. Надо уметь черпать для себя ободрение, как это делали апостолы, видевшие успех своих подвигов лишь в зачатии.

О, если бы этот день поминовения великих борцов за правду и право, являющийся вместе с тем днем торжества для возрожденных подвигами героев малых и юных народов, мог бы послужить и для живых русских героев великой борьбы, переживших страшную Голгофу, залогом и уверением, что свершившееся уже в малом, должно совершиться и в великом. Это было бы лучшим достижением этого священного дня поминовения героев великой борьбы за правду и право.

Слово Божие обращается ко всем, призванным к жертвенному подвигу: пожрите жертвы правды и уповайте на Господа. Господь не посрамит упования героев жертвы правды ни в малом, ни в великом.

Слово 1926. № 357. С. 2.

Труждающиеся и обремененные

У яслей Вифлеема мы считаем нужным обратить внимание именно на ту сторону личности, учения и жизни Христа, которая подвергается в настоящее время всевозможным превратным толкованиям - на отношение Христа Господа к трудящимся.

Церковь Христову в настоящее время известные всему миру круги стремятся представить в качестве врага трудящихся. Это одна из самых беззастенчивых фальсификаций, которые знает история. Она рассчитана на полное незнание Христа, Его учения, Его жизни и Его дел.

Присмотритесь, кто со Христом от яслей и до креста. У яслей Его вы видите Пресвятую Деву Марию - Матерь Его - скромную бедную труженицу. Рядом с Нею Ее попечитель - старец Иосиф, «древодел» - плотник всю жизнь проведенный в труде. В качестве первых поздравителей Новорожденного к яслям, послужившим колыбелью Его, пришли окрестные пастухи, скромнейшие среди скромных трудящихся.

Детство, отрочество и юность Христа протекают в суровой обстановке ремесленного труда.

В зрелом возрасте Христос вступает на поприще священной мессианской общественной работы. К кому прежде всего обращена Его проповедь? К «трудящимся и обремененным». Кого Он призывает в сотрудники к Себе? Скромных тружеников рыбаков и им подобных «трудящихся».

Как определяет Он Свою задачу? «Дух Господень на Мне; Он послал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать плененным

освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу» (Мф. 4:18). И места для своей проповеди Он избирает преимущественно такие, где собираются «трудящиеся и обремененные». В Свою проповедь Он постоянно вводил наглядные поясняющие примеры (притчи) из жизни трудящихся рыбаей, пекарей, ремесленников.

Лишь Христос возвел в подобающую честь все роды и виды честной работы и труда, начиная от так называемой черной работы и до утонченнейших видов духовного труда. Именно Христос св. Апостолам заповедует работать всем «своими собственными руками» (1 Сол. 4:11). «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Сол. 3:10-12). Сам Христос и Его апостолы являли тогда живой пример труда и уважения к труду. Они занимались трудом и работою день и ночь, чтобы не обременять никого (2 Сол. 3:8). Уже в ту мрачную и тяжелую пору, когда рабовладелец не считал себя обязанным оплачивать труд раба, именем Христа провозглашен принцип: «достойный делатель мзды своей» (1 Тим. 5:18; Мф. 10:10).

Церковь Христова, как и во всем, так и в вопросе о труде и трудящихся всегда верно следовала заветам Христа и всеми мерами стремилась проводить эти заветы в жизнь. Глубочайшее уважение к труду и трудящимся запечатлено в канонах Церкви. Величайшие отцы и подвижники смотрели на труд как на самый священный и великий подвиг человека. Великий основоположник монашеской подвижнической жизни Антоний Великий, когда неумеренные почитатели чрезмерно превозносили его, наставительно поведал, что он лишь смиренный ученик некоего брата во Христе из г. Александрии. Почитатели бросились по указанному Антонием адресу, чтобы поклониться учителю Великого Антония. К удивлению учитель Великого учителя оказался самым, обыкновенным сапожником.

Никто не знал про него ничего. Вошли в дом. Думали услышать от него что-либо чрезвычайное. Стали пытаться его вопросами и расспросами. Поведал он немногое: «встаю рано, молюсь сначала сам, а потом со своими домашними и принимаюсь за работу, трапезую, чем Бог благословил, и помолясь, отхожу на покой ночной».

Недоумевающие ученики бросились к Антонию и поведали, что по указанному адресу они нашли не подвижника, а всего лишь самого обыкновенного сапожника. «Вот он то и есть настоящий подвижник, ибо он и постиг и выполняет единое на потребу: молись и трудись, трудись и молись. Его пример непреложный урок и для меня и для вас». Так относились великие умы Церкви к труду и трудящимся.

Нет ничего удивительного, что и трудящиеся взаимно глубоко чтили и Христа и Церковь. Во Христе они видели и чтили своего раскрепостителя, возвратившего и труду и трудящимся принадлежащее им достоинство и права, а в Церкви Христовой – верную носительницу и хранительницу духа и заветов Христа.

Но узы трудящихся с Церковью мешали политическим планам некоторых политических организаций, и они начали в широком масштабе, не скупясь на всевозможные обещания, вести агитацию по отторжению трудящихся от Церкви. Мы не будем останавливаться на приемах агитации, но бросим беглый взгляд на то, что дали противники Церкви трудящимся, когда они достигли своей цели, отторгли рабочих от Церкви и через них достигли всей полноты власти над громадной богатейшей страной и ее трудящимися.

Прежде всего бросим взгляд на домашнюю семейную жизнь трудящихся по отторжении их от Церкви. Брак трудящихся уже не таинство, не священный, скрепленный обетами союз мужа и жены для христианского воспитания детей. Брак стал нотариальной сделкою мужчины и женщины в целях сожителства. Не на всю жизнь, а впредь до усмотрения. В любой момент нотариальная сделка может быть расторгнута. А воспитание детей? Иметь их не в моде, но

если бы по оплошности таковые появились, то их можно сдать в приюты, или вообще сбыть с рук.

Моральный уровень такого брака ниже уровня птичьего брака, ибо птичья чета все-таки воспитывает своих птенцов, в стране же нотариальных браков нотариальная чета или сдает их в приют, или, выгоняя на улицу, умножает стаи уже прославившихся на весь мир «беспризорных» детей. Не сладка жизнь в приютах, но жизнь непризорных ужасна. Во время последних облав их находили ютящимися даже в навозных кучах. Чем занимаются эти непризорные плоды нотариальной семьи? Большинство – воровством, многие проституцией, почти все причастны к разным видам преступлений. И официальный счет непризорных ужасающе велик, но на деле их, конечно, гораздо больше. Число их, все растет. И это будущий народ.

Но ужас нотариального брака касается не только детей. С каждым годом множится число «беспризорных» разведенных жен, ибо есть не мало «мужей», которые при условиях нотариального брака, жен меняют чаще, чем башмаки. Эти непризорные разведенные жены и для народной нравственности и для народного здоровья являются серьезнейшей угрозой.

Удален Христос и из школ трудящихся. Вместе с Христом ушла и нравственность. Школы обратились в вертепы ничем не стесняемого разврата, в рассадники дурных болезней, перестали быть очагами света и благовоспитанности. Пресловутый Всеобуч угрожает породить Всенеуч. Так обстоит дело с семьей и детьми трудящихся, отторгнутых от Христа.

Но как обстоит дело с самыми трудящимися, с их трудом с платою за труд, с свободою требований и так далее?

Часть их прикрепощена к фабрично-заводским и другим учреждениям и предприятиям не хуже былых крепостных. О мере оплаты труда лучше всего говорят недоеданье, полуобуточность и полуодетость трудящихся. О свободе предъявления требований, свободе слова, свободе забастовок и тому подобных свободах красноречиво говорят гостеприимные для трудящихся стены казематов, а особенно красноречиво – пресловутые «стенки».

О продуктивности труда говорит острый недостаток во всех решительно фабрикатах. Упразднены, якобы отнимавшие много трудовых дней, праздники Христовы, время и силы на посещение храмов не тратятся и от якобы расслаблявшей рабочую энергию мысли о потустороннем мире трудящийся отвлечен, а фабрикатов нет, и народ все более и более переходит к первобытным способам выработки одежды, обуви, домашней утвари и орудий работы.

Но может быть сельские трудящиеся, по отторжении от Христа, стали благополучней? Острый недостаток в сельскохозяйственных орудиях сделал обработку земли первобытной. Неуверенность в обладании плодами труда неизмеримо понизила энергию земледельца. Весь мир был свидетелем, как земледелец, сидящий на жирнейшем в мире черноземе, жестоко голодал.

Один высокий, могучий «сановник», гордый изгнанием Бога из среды трудящихся, прибыл в родное мордовское село и повел речь к землякам: «Товарищи! Раньше вам попы твердили: все Божие – земляца Божия, лошадка Божия, коровка Божия, курочка Божия, а я вам говорю: все ваше – земляца ваша, лошадки ваши, коровки ваши, курочки ваши...» Поймав насмешливую улыбку старика, сановник обратился к нему: «иль я не так говорю?» – «Так говоришь, но не договариваешь. Земляца-то наша, а пшеничка с ней будет не наша, а ваша, коровка-то наша, а молочко ее будет не наше, а ваше, курочка-то наша, а яички ее будут не наши, а ваши. Пока

землица была Божия, пшеничка была наша, коровка была Божия, а молочком лакомились мы...» Так как мысль старика была ясна, его арестовали, не дослушав до конца.

Таковы настроения и таково положение трудящегося крестьянства, отторгаемого от Христа. Пока довольно, ибо и из сказанного уже ясно, что отторгавшие трудящихся от Христа готовят им такую кабалу, в какой они были до Христа.

Слово 1926. № 370. С. 1

Годовщина кончины патриарха Тихона

Год тому назад, 8 апреля, телеграф принес роковую весть о безвременной кончине патриарха Тихона. Смерть была внезапной и весь мир поразила своею таинственностью. Истекший год не пролил света на обстоятельства этой смерти, и это дало богатую пищу народной фантазии. Создалось множество легенд и характерно, что все эти легенды живописуют почившего патриарха, как любимого и дорогого народного героя, даже из могилы благодатно помогающего народу своему.

Почему народ полюбил гонимого и травимого патриарха Тихона, почему возвел его в свои герои? Чтобы уяснить себе это, остановимся сегодня, в день блаженной кончины Тихона, хотя на некоторых этапах его патриаршествования.

Тихон вступил на патриарший престол в такую годину, когда на Руси поднялась беспрецедентно страшная буря, беспощадно крушившая многое негодное народу, но не щадившая и того, что русский народ считал и считает святейшею святынею души своей, заветом предков, заветом Бога. Мужья разума и силы, на которых народ искренне возлагал свои упования, трусливо безмолвно сходили со своих командных позиций, не предпринимая ничего в защиту народных прав и святынь. Покинули свои позиции мужья ратные, и мужья правящие, и судьи и прочие. Один лишь патриарх Тихон мужественно остался на своем священном и ответственном посту и бодро стал на защиту родного народа, его прав и его святынь. Мало этого. Один лишь он мужественным словом и героическим примером стал воодушевлять и спланивать не только своих прямых со-работников, но и все живые силы народа для сознательного, морального противодействия попираетелям народных прав и народных святынь. Воодушевленное слово и героический пример возымели свое действие. Все церковные со-работники Тихона остались на своих постах и стали под руководством патриарха Тихона исполнять со святым самоотвержением свой священный долг по отношению к родному народу. Герой Тихон поставил свою церковь на пьедестал народной героини.

Настала ужасная пора кровавого террора. Тысячами гибли соратники патриарха Тихона и на архиерейских и на иерейских постах и в рядах простых верующих, членов церковных советов и т.д. Но и п. Тихон умел рождать героев, которые по его мановению шли и заступали места выбывших из строя и продолжали священное дело почивших. Тихон сумел явить врагам, что живые силы церковные и народные неисчерпаемы, неистребимы. В этом его первая заслуга и его первая блестящая победа.

Когда начался ожесточенный поход против народной веры, ее догматов и канонов, когда настала пора антирелигиозных митингов и атеистических изданий с неслыханными даже при Нероне издевательствами над христианами и христианским пастырством, когда на помощь врагам всякой религии были привлечены и враги из рядов конфессиональных противников православия, патриарх Тихон мужественно и непоколебимо остался при исповедании чистого святого дорогого народу православия и благодарный народ не преминул провозгласить его, как некогда святителя Николая, «правилом веры и образом кротости» и стал следовать примеру

своего патриарха.

Попытка изолировать патриарха и наиболее популярных его сотрудников и таким образом лишить его возможности влиять на народ, дала результаты противоположные ожидаемым. Патриарха и его сотрудников народ провозгласил исповедниками и стал чтить как исповедников.

Была сделана попытка внести дезорганизацию в Тихоновские ряды путем выдвижения против него церковных отбросов из низложенных по церковному суду иереев и архиереев. Но и это не помогло. Народ остался верен своему излюбленному герою патриарху Тихону, а его противников стал чествовать такими именами, которые, несмотря на их несомненную меткость и выразительность, неудобны для печатного слова.

Наконец, последовала внезапная и таинственная смерть Тихона. Враги были готовы торжествовать победу. Но уже в день погребения патриарха они не могли не понять, что торжествовать преждевременно. Собравшийся на печальное торжество в несметном количестве народ открыто сравнивал настроения и обстановку погребения патриарха с погребением его противников и находил, что патриарх и здесь победил. И по настоящее время стекающийся к могиле патриарха народ из уст в уста передает, что великий и верный друг и из могилы своей чудесно помогает народу исцелениями и чудесами, а про могилу его противника, со свойственным русскому народу сарказмом, рассказывает непечатные и печатные анекдоты, некоторые из коих уже, кажется, успели облететь весь мир и в слове и в рисунках.

Да, и Тихон в сознании русского народа жил, живет и будет жить, как в своем роде единственный верный друг народа в пору тяжелого лихолетья, как исповедник народной веры, как мученик за народные интересы и права, как заступник народа не только во время земного жития, но и целитель народных недугов, простирающий народу руку помощи из могилы.

Можно решительно сказать, что роль патриарха Тихона в жизни русского народа не вся в прошлом. Любимый народный герой, ныне уже недосыгаемый для врагов, будет разить их из-за могилы еще сильнее чем при жизни.

О явлениях этого порядка знает история, но лицам, не знающим и не хотящим знать истории, скажет об этом текущая и грядущая действительность.

*Православный журнал «Вера и жизнь»
№4, 1926 г., апрель, с.6-8.*

Мать русской культуры

Многоразличны факторы, содействовавшие пышному развитию русской культуры, но родительницею ее несомненно является Русская Церковь. Она родила славяно-русскую грамоту и от святого Кирилла до самого последнего времени вела к грамотности русский народ.

Она родительница той русской культуры, пред величием которой преклоняется весь культурный мир.

В раннем своем возрасте эта литература неотступно держалась за руку матери. Но и в последующее время, когда она стала совершать путь свой самостоятельно, творения величайших русских гениев носят яркие черты благородного влияния Матери-Церкви. Достоевский, Гоголь и другие являются не только мирскими художниками слова, но и

церковными «вещателями».

Русская живопись, русское зодчество, русское ваение, русская музыка родилась из недр церковных, на лоне церковном развивалась, в церковной области дали высокие образцы русского национального творчества. Доселе не превзойдены ни «Василий Блаженный», ни могучая мелодия древнего церковного обихода, ни строго церковные живописные творения. Творения русских песнописцев по силе и красоте приравниваются к псалмам Давида.

А русская наука разве не из недр церковных родилась? Русская философия не только встарь, но и в новейшее время занимается по преимуществу религиозными проблемами. Русское общественно-государственное мышление и строительство азы свои получило из рук Церкви и до самого последнего времени не отходило от благотворительного влияния Церкви.

Гордость русского народа – могучий, гибкий, звучный, выразительный русский язык никогда не выходил из сферы влияния Церкви.

Весь русский национальный быт настолько проникнут духом, законом, обычаями, понятиями Церкви, что русский перестает быть русским по духу, когда отходит от церкви. Это поняли коварные враги русского народа, когда в основу дела денационализации положили искоренение церковности. Но церковь имеет значение не только в области духовной культуры. Святые обители, эти исконные очаги труда и трудолюбия, дали славяно-русам образцы благоустройства и материальной культуры.

Гордая интеллигенция относилась пренебрежительно к обителям, не посещала их, не интересовалась ими и не подозревала, что она здесь могла почерпнуть многое такое, зачем она ездила по заграницам. Святые обители научили русский народ построению прочных зданий, украшению и благоустройению жилищ в национальном русском стиле.

Изучающий ныне древнюю русскую национальную материальную культуру стоит перед разительным фактом, что и эта культура родилась на Руси в недрах Церкви, в святых обителях. Даже те образцы этой культуры, которые слывут под именем княжеских, боярских и т.п. носят следы явно монастырского происхождения.

Родственною связью русской культуры с русскою церковью объясняется то, что в текущее лихолетье. Когда нынешние хозяева русской земли стремятся стереть с лица этой земли все национально-русское, в церковной области эти их усилия тщетны. Многие дорогие для русского ума и сердца обращены в руины. Но когда в нарочитые дни «от хладных финских скал до пламенной Колхиды» дружно раздаются райские звуки русского малинового звона, когда из глубины исстрадавшихся русских сердец вместе с надгробными рыданиями о славном прошлом плавно льется церковная песнь о вечном памятовании великих героев былого, когда наперекор жестоким «гонителям и мучителям», истребляющим все национально-русское, повсюду продолжает раздаваться бодрое, уверенное специально русское церковное «многое лета», тогда чувствуется, что истерзанный русский национальный организм еще не утратил своего внутреннего единства, что жива еще в нем воля к созиданию великого национального будущего.

Церковь, родившая русскую культуру, хранит ее и ныне, как свое дорогое детище. На лоне церкви даже в пределах интернациональной СССР русский еще живо чувствует Русь, а себя русским.

Как в пору лихой татарщины, как и ныне Русская Церковь является опять единою верною хранительницею русского национального сознания и русской культуры. Как тогда, так и ныне

залог возрождения Руси в матери русской культуры - церкви.

Православный журнал «Вера и жизнь»

№6, 1926 год, июнь, с.3-5.

Мир на земле

В эти святочные дни миллионы уст по всему лицу земли воспевают «мир на земле».

А суровая мрачная действительность как бы издевается над этой священной песнею. Кто ныне может похвалиться личною мирностью? Кого не терзают сомнения, опасенья, сожаления? Много ли благоволящих к людям, братьям? И первоячейка всякого общества - семья - кажется неблагополучной. Вековечный антагонизм между отцами и детьми кажется еще более глубоким, чем встарь. Ослабевшими кажутся не только естественные узы отцов и детей, но и общий язык кажется утраченным: отцы и дети с трудом понимают друг друга. Муж и жена, живущие «душа в душу», - ныне редкость. Множество разводов не исчерпывают всего множества немирных семей, ибо несчетны побуждения скрывать немирность семьи от взглядов мира. Часто семейный союз существует только формально, а фактически он давно уже не «союз».

Общество в широком смысле являет еще более мрачную картину. Тюрьмы всех родов всюду переполнены. А сидят там все нарушители мирного течения жизни общества. Толстые стены, железные решетки и с ног до головы вооруженная стража свидетельствуют, что и сидящие за решетками и общество, посадившее их, далеки от настроений мира и благоволения. Несчетное количество партий уподобляет общество боевому лагерю, где денно и ночью идет то глухая, то открытая ожесточенная, страстная борьба, далекая от принципов мира и взаимного благоволения.

Если, расширяя кругозор, бросить взгляд на жизнь всего нынешнего человечества, картина еще более мрачна. На словах воспевают мир, а на деле идет постоянная напряженная подготовка к войне. Всюду бронируются, вооружаются. Идеал - боевая мощь, боевая готовность. Все живут настроениями древней пословицы: человек человеку - волк. При таких настроениях, если и нет войны, то это не значит, что царствует мир и взаимное благоволение. При пресловутом вооруженном мире человечество живет, как на вулкане. Внешне все как будто мирно, но под покровом кажущегося мира в несчетных лабораториях вырабатываются орудия взаимного истребления, которые должны затмить все прежде бывшее в этой области. В тиши кажущегося мира человек кует для человека внезапные, неслыханные и невиданные еще ужасы.

Многие в этом видимом противоречии идеалам Христа и пророков с текущею действительностью склонны усматривать несостоятельность, банкротство этого светлого идеала. Суждение поспешное и поверхностное. Уже упорство, с каким верующие, не взирая ни на что, поют свою песню о царстве мира и любви, свидетельствуют, что идеал Христа и пророков живет в человечестве, а если живет, то и действует. Ни Христос, ни пророки, не обольщали людей возможностью быстрого осуществления этого идеала. Верующие отлично сознают, что сроком создания царства мира и любви не может быть ни краткая пядь жизни человеческой, ни столетие, ни даже тысячелетие. Высоте и величию идеала должен соответствовать срок его выполнения и достижения конечных его целей.

Переживания верующих, упорно поющих свои песни о мире любви и наперекор действительности упорно трудящихся над созиданием Царствия Божия, могут быть уподоблены в некоторой степени переживаниям строителей, работающих над возведением

грандиозной постройки по плану гениального зодчего. История знает храмы, возведение которых длилось столетиями. Уверовав в великий план великого зодчего, строители принимаются за работу. Целые поколения трудились только над фундаментом. Рыли глубочайшие рвы, тесали камни, подготавливали место строения и строительный материал. Они видели перед собою только глубочайшие рвы и ямы, горы мусору, песку, камней и сознавали, что осуществления грандиозного замысла им не видать. Но закапываясь в землю на такую глубину, из мрака которой становились видны звезды среди белого дня, они сознавали, что эта пропасть необходима, что именно над этою пропастью со временем на мощно заложенном фундаменте суждено подняться навстречу звездам прекрасной многоярусной колокольне с сладкозвучными колоколами, благовестниками мира и любви. При этом сознании их не смущала мысль, что им лично суждено видеть только эту зияющую пропасть, грязь, щебень и мусор и прочий подготовительный строительный хаос. Они черпали энергию для работы в доверии к гениальному плану гениального зодчего и умирали в удовлетворенном сознании, что посильно послужили созиданию дома Господня, видеть который им не дано.

Так и строители Царствия Божия. Они крепко уверовали в великую идею Великого Зодчего. Они наперед знают, что торжества мира и любви здесь на земле им не видать. Но они веруют, что каждое, даже самое малое дело, совершенное в согласии с предназначением Великого Зодчего, приближает великий замысел к осуществлению. Если и после столетий и тысячелетий упорной работы им приходится видеть своими глазами лишь ямы и рвы, лишь горы мусора и грязи на расчищаемом для Царствия Божия поле, а самого здания не видать, они все-таки кончают дни свои в спокойном сознании исполненного долга и с верою в священный идеал, выраженный в святочной песне: «слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение». Они богаты верою, что сделали для святого дела все, что могли.

Христос предвидел, что строителей царствия мира и любви будут искушать указаниями на видимую малоплодность их работы и посему в ряде притчей дал им наглядное уверение. Что жизнь, посвященная созиданию царствия мира и любви, никогда не бывает жизнью бесплодною. Работников, всецело восприявших дух царствия мира и любви, Христос уподобляет чистой соли в благородной закваске. Эта небесная соль каждым атомом своим будит в человечестве благородное брожение в пользу царства мира и любви. Подобно соли и закваске, работники эти истаивают при исполнении своей миссии, но истаивая, они покоряют для царствия мира и любви именно те круги. Которые поглощают их истаивающую соли и закваски.

Окружающая суровая немирность, ускоряя истаивание соли и закваски, ускоряет св. осоление и благородное брожение. Капли крови мучеников становятся семенем, произрастающим как раз те плоды, возвращению которых служили мученики. Кровию своею мученики проповедуют громче и убедительней, чем живыми устами. Работник царствия должен быть свечою, горящею и светящую светом мира и любви, сгорая она исполняет свое назначение в деле созидания царствия. Народная мудрость говорит, что Божия мельница медленно мелет, но мелет и мелет хорошо, ни одно зерно в ней не пропадет без толку.

Жажда мира и любви присуща не только верующим во Христа, она общий закон для всех людей, закон написанный в глубине сердца человеческого. Наша святочная песня о мире на земле и о людях, исполненных взаимного благоволения, является не только исповеданием веры в Боге любви, но и проявлением доверия к человеку и человечеству. Немирная, суровая, злая наша современная действительность ставит нас в широком масштабе пред лице той трагической двойственности существа человека, о которой пишет Св. Павел: человек делает не то доброе, которого хочет, а то злое, которого не хочет, но и делая злое, он упорно жаждет добра. Пока еще в человечестве, по-видимому, «закон духа» побеждается «законом плоти», но веруя в бога и доверяя упорству добра в человеке, мы все-таки смеем уповать на конечное

торжество духа над плотью, добра над злом, на осуществимость идеала нашей святочной священной песни: «слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение».

«Вера и жизнь» №1, 1927 г., январь с.1-4.

Пасхальная статья архиепископа Иоанна

«Я не оставлю вас сиротами» (Ин. 14:18). Сурово слово «сирота», но особенно сурово оно было в дохристианскую пору. Остаться сиротою тогда означало быть обреченным на все муки, на все страдания, на все унижения, на какие только способна обречь суровая жизнь существо слабое, одинокое, незащищенное, забытое, отверженное. Самая суровая угроза, какую знает слово Божье для человека древности, выражена в словах: «дети ваши будут сиротами» (Исх. 22:24; Пс. 108:9)

Когда умер на кресте Христос, ученикам Его для которых со Христом были связаны все надежды, вся вера, вся любовь, естественно было почувствовать себя сиротами в самом суровом значении этого слова. Они не только лишились Отца, питателя надежды жизни своей, но на них всех на всю жизнь тяжелым бременем должны были лечь вся та ненависть, которую современность питала ко Христу, весь тот позор, которым злоба силилась окружить Его имя, Его память. Они должны были почувствовать себя сиротами, оставшимися после отца, духовным и светским судом присужденного к позорной казни и казненного, они сироты после отца, отверженного и осмеянного. Они наперед обречены на презрение сограждан, ненависть толпы, гонения и утеснения, для них нет защиты ни в законах, ни в сердцах сограждан.

По-видимому, чада Христовы во всей силе почувствовали такое свое сиротство тотчас после смерти Христа. Устрашенные этою долею, одни поспешили отречься от Христа, другие пытались скрыться от Него бегством, и лишь немногие дерзнули остаться при кресте и гробе Христа, в готовности покорно подклонить выю свою под все невзгоды сиротства.

И у креста, и у гроба, и всюду, где бы они ни были, они, объятые мраком печали, или плачут, как мироносицы, или терзаются сомнениями, как Фома, или с невыразимой скорбью отходят от креста и гроба восвояси, в свою обыденщину, как Эммаусские путники, с нескрываемым горьким разочарованием: «Мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк. 24:21). Если где подобно птенцам, ожидающим неминуемой грозы, они и собирались вместе, то «дверем заключенным страха ради иудейска» (Ин. 20:19). Эта сиротская скорбь еще углублялась тем, что мир кругом веселился, празднует великий праздник иудейский.

Кто станет отрицать, что и в настоящее время весьма многие православные переживают это чувство горестного сиротства. Кто сочтет толпы скорбных мироносиц, которые в дни воспоминаний страстей Христовых несли ко кресту и гробу Христа под злобное гиканье комсомольцев все усердие сиротского почитания и святые слезы, море слез. Сколько сиротских робких душ православных в эти дни робко теснились друг к другу за тщательно запертыми дверями страха ради жестоких гонителей. Сколько в единодушии с Фомою уклонялись от поклонения кресту и гробу Христа, потому что в высмеиваемом Христе они затруднялись признать Сына Божия, а в разоряемой церкви – Царство Божье. Многие отходили от креста и гроба подобно Эммаусским путникам, твердя с разочарованием: «А мы надеялись во Христе и Его Церкви узреть спасение родного народа». Сколько православных «сынов рассеянья» в эти дни пережили горькое сознание оторванности от всего родного, милого, дорогого, от всего, чем жила и дышала душа, чем красна была жизнь, что тешило и радовало. Среди горя, нужды разочарования многим в эти дни весь мир казался чужим, враждебным, злым, и они готовы были от всего мира запереть не только двери своего жилища, но и сердце. Многим даже вся

святая православная церковь начинала казаться осиротелою, подобно евангельской вдовице, денно и ночью вопиющею к органам правосудия мира: рассудите меня с противниками моими (Лк. 18:3).

То обстоятельство, что во дни православной страстной седмицы кругом раздавались звуки светлого праздничного ликования, еще более углубляло чувство сиротства, еще более сближало переживания православных с пережитым апостолами и мироносцами.

Всеведующий Спас наш предвидит эту опасную возможность навязчивого сознания сиротства и посему оставил верующим утешительное обетование: «Я не оставлю вас сиротами» (Ин. 14:18). «Я с вами во все дни, до скончания века. Аминь» (Мф. 28:20). «Вот Я стою при двери и стучу, если кто услышит голос Мой и отворит дверь. Я войду к нему и буду вечерять с ним и он со мною (Апок. 3:20). «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». (Мф. 18:20). «Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы она и забыла, то Я не забуду тебя» (Ис. 49:15).

Слово Господне непреложно. Пребывание Господа с верующими никогда не прекращалось. Неопровержимые доказательства общения Христа с верными запечатлены на всех страницах истории Церкви.

Припело время и поприще святых апостолов заняли преемники их, не слышавшие и не видевшие Христа лично. Но и к ним Христос, всегда пребывающий в Церкви, был неизменно близок. И они не были сиротами. Со сверхчеловеческим мужеством шли проповедники и исповедники Христа на самые ужасные мучения, то посмеиваясь над мучителями, то с радостью славя Бога, то наставляя и укрепляя братьев по вере. Когда архидьякона Лаврентия положили на раскаленную докрасна железную решетку и бок его прогорел на огне, он обратился к мучителям: «этот бок изжарился, переверните на другой». Про святого мученика Федора мученические акты повествуют, что он сгорая в пламени, пел хвалу Богу, как бы находясь в месте прохладения. Святой Киприан утешает своих союзников «блаженны связанные ноги, спешащие в рай». Женщины и малые дети соперничали с мужчинами в мужестве. На месте каждого замученного становились сотни и тысячи готовых принять мучения. Кровь мучеников поистине становилась семенем христианства. Языческий мир уставал изобретать пытки и казни и сам пал к ногам Христа. Христос неизменно пребывал в Своей церкви со Своими верными учениками, сам укреплял их, утешал, ободрял, умудрял и чрез них покорил противников Своих. «Победил Ты меня, галилеянин», возопил умирающий Юлиан Отступник и в этом вопле слышится вопль побеждаемого Христом христорочества.

Наступили, наконец, золотые дни и века для христианства. Имя Христово стало превыше всех имен. Дух Христов стал витать над всеми сторонами жизни человека. Все то святое, высокое, благородное, что составляет ныне украшение человека и его жизни, родилось на лоне Христа и Его Церкви. Наука, философия, искусство, мораль, право, быть – все это своими живыми здоровыми соками обязано Христу. В эту пору ощущения сиротства были чужды христианам.

Лишь в последние столетия и особенно в последнее десятилетие вновь возобновились гонения на Христа и его Церкви, но не без вины тех, кто носит имя Христово, кто говорит и действует во имя Христа, стали раздаваться сначала робко, а потом все смелей и смелей голоса против Церкви Христовой, христианства и против Самого Господа. Время от времени от слов стали переходить и к делам, к открытым восстаниям против Христа и открытым гонениям на Церковь и христиан. Всем памятна яркая вспышка этого рода во Франции. Но самым ярким восстанием против Христа и христианства, несомненно, является то гонение, которое в настоящее время охватывает значительную часть современного мира.

Как во дни римских императоров, гоненье на Христа и Его Церковь начало опять становиться общественным и государственным. Уже не отдельные только лица и группы лиц воюют против Христа и Его Церкви. Один из громаднейших и могущественнейших государственных аппаратов мира напрягает всю свою мощь, все свои материальные и интеллектуальные силы, чтобы разрушить Церковь, искоренить христианство, изгнать Христа. Вновь призваны к жизни все прежние методы гонения. Изобретаются новые приемы. На исходе второго тысячелетия своей жизни христианская Церковь вновь переживает все ужасы гонения. Храмы разрушаются, закрываются, обращаются в клубы, тюрьмы, склады, танцклассы, музеи и учреждения, о которых срамно говорить. Очаги христианской науки и просвещения закрываются. Священные книги публично сжигаются на площадях. Предметы религиозного почитания подвергаются всевозможным гнуснейшим поруганиям. Живые церковные силы истребляются способами, до коих далеко Нерону и Диоклетиану. Религиозные организации подвергаются разгромам. Некоторые из них, например, монастыри, упразднены. Жесточайшими, грубейшими мерами подавляются даже частные проявления религиозной веры.

Жесточайшие приемы гонений направлены именно против православной Церкви, являющей собой чистейшее воплощение заветов Христа. С глубочайшею скорбью приходится свидетельствовать, что, как это наблюдалось и в первые дни христианства, к многострадальной Церкви окружающие относятся одни с тупым равнодушием, другие со злорадством, а третьи не стыдятся способствовать гонителям. Беззащитною, одинокою, обреченною на беды сиротою начинает казаться ныне многим святая православная церковь. На виду у всего мира истекает она кровью от каждодневно умножаемых ран. По силе возможности враги и соседи приступают уже к дележу окровавленных риз, «метающе жребий, кто что возьмет». Начинает нарождаться сознание беспросветного горького сиротства.

Но дорогие братья и сестры по вере православной, или вы забыли обетование Христа спаса: «Я не оставлю вас сиротами»? То правда, что гонители довели Православную Церковь до незапамятного внешнего убожества, что жесточайшими приемами устрашения во многих местах православные вновь доведены до необходимости собираться для молитвы и взаимного назидания «дверем заключенным», что на широчайших пространствах православные вынуждены таиться и поверхностному наблюдателю может показаться, что православие, если не окончательно исчезло, то достигло последних пределов.

Но нам с вами ведомо, что под этою внешнею убожеством таится великое богатство духовное, таится непобедимая сила Христова, «в немощи совершающаяся». Не менее, если не более, чем в пору блеска и славы, мы в праве исповедовать: с нами Бог и мы не сироты. На протяжении последнего десятилетия угнетаемая и гонимая святая Православная Церковь явила такое множество славных исповедников и мучеников, какого наши черствые и гордые соседи, не стыдящиеся принимать участие в дележе риз св. Церкви, не имеют на протяжении всей своей истории. Нет ни одной епархии в областях, посещенных гонениями, в которой не было бы своих достохвальных мучеников, исповедников и подвижников. Величайшую силу духа являют не только вожди и возглавители нашей веры, но и смиреннейшие рядовые чада Церкви. Мы не перечисляем здесь имен, ибо многое множество имен, во главе с именем патриарха, известно всему миру. Сила Христова действует в святой Церкви с такою очевидностью, что мы не имеем права мыслить себя сиротами. Не оскудела духовная мощь Христа оттого, что совлекли с него ризы его и разделили между собою «метающие жребий» и насильники, позарившиеся на ризы Христовы не обогатились. Не убудет и в святой Церкви духовная мощь и сила оттого, что ныне иродиады и каиафы делят между собою внешнее достояние ее, доводя ее до крайней материальной скудости.

Да не смущается сердце ваше и тем, что время от времени в недрах самой церкви обнаруживаются Иуды-предатели, продающие врагам за сребреники интересы и права св.

Церкви. Если вы прикинете число иуд к числу верных, то увидите, что нам еще, слава Богу, далеко до процента Иудина. Не на двенадцать, а на тысячи приходится у нас один Иуда.

Да не смущается сердце ваше и тем, что враги возводят на нас всякие небылицы, обзывая нас и «врагами народа» и «врагами строя». Такие обвинения клеветнически возводились в свое время и на Господа нашего.

Говорят, будто редеют наши ряды, но разве не редели они в свое время и около Господа на Голгофе? Тот же Господь, который нам оставил утешительное слово: «Я не оставлю вас сиротами», оставил нам и другое утешительное слово: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32). Сила наша не в количестве, не во внешней мощи и блеске. Умалается ли, умножается ли наше число, сила наша в сознании, что Христос воскрес и пребывает с нами, что в Его руке. А не в руках наших врагов и наше настоящее и наше будущее. Христос воскрес и врагам вновь Его не умертвить. Жив Христос, а с Ним жива будет и пребудет во веки и Его св. Православная Церковь, верующая, что Христос воскрес и, согласно Своему непреклонному обетованию, не оставит ее сиротою.

«Вера и жизнь» №5 1927 г., май, с.1-5.

Рождественская радость

Наша современность жаждет веселья и изошрена в изобретении увеселений. Но веселиться - не значит радоваться. Веселье часто бывает лишь лихорадочным трепыханьем крыльев души, сраженной отчаяньем. Радость живет ничем непобедимую уверенностью, что предмет ее ни сегодня, ни завтра - никогда, никакую силу не может быть отнят. Современность изверилась в самую возможность такой радости. Тем с большею настойчивостью надо напоминать ей, что во Христе нам дана возможность такой радости.

Жизнь современного человечества заволокла едва проницаемую скорбною мглою. Холодные, свободомыслящие умы со своим гордым отрицанием вековых идей и самых заветных убеждений в области веры, жизни, духа, в вопросах о начале, существе и конце всего существующего сами, наконец, не знают, куда идти, чем заменить отвергнутое, чем заполнить создавшуюся пустоту. Путаница понятий и убеждений все возрастает. Все борются против всех и всего, не признавая ничьего авторитета непреложным. Строительство их все более и более уподобляется строительству вавилонскому и предвещает строителям достижения не краше вавилонских.

Каков характер современных учений? Все это понятия частные, идеи изменчивые, умозаключения, не выходящие за пределы тесного круга преходящей видимости и временной жизни человека. А где то, что в собственном смысле может и должно быть названо истиною, где идеи, познания, умозаключения, проникающие в глубину и существо мира и жизни, особенно мира и жизни нравственных, обнимающие дух и судьбы человека и человечества, возвышающие дух человека над всем внешним, тленным, преходящим? Где выход из современной путанной, безнадежной завирухи друг друга исключаящих и высмеивающих понятий, умозаключений и теорий? Где найти опору надежде и уверенности, что истина, составляющая изначальный предмет вожеланий человечества, существует, что она доступна человечеству?

Праздник Рождества Христова да напомнит всем жаждущим истины, всем ищущим ее, что она сполна дана во Христе. Пред нею в свое время с благоговением преклонилась седая мудрость языческой древности. Она просветила и возвысила новые народы.

Христос – всецелое воплощение доступной человеку истины. В нем даны и для ума и для сердца человека ясные и радостотворные ответы на все решительно мучительные и насущные вопросы и запросы духа. Даже враги Его поучались и поучаются у Него. Он покоряет и пленяет разум человеческий, как только этот разум возвышается над сферой временности и чувственных предметов. Он действует в мире убеждением сердец, против которого всякие умозаключения бессильны. Он открывает особый, необычный для естественных познаний путь просвещения – путь нравственный, нравственным очищением и возвышением человека очищая и возвышая его разум.

Если в мире, как ныне по местам, безумствуют ложь и заблуждение, им может удастся временно и по местам затенить истину Христову. Как солнце в сумрачный день светит лучезарное, теплое, живительное, хотя его и не видно за облаками, так и Христова истина всегда действует в мире, хотя и в борьбе с мраком сомнений, заблуждений и лжи. Самые естественные познания, при нормальной их постановке, должны приводить человека к ясному и полному сознанию истины Христовой и тогда она, раскрыв всю свою действительную силу и победив всякую ложь, совершит спасение ума человеческого.

К Христу придут.
И зло и ложь падут.
Богатый и убогий,
Простой и мудрый – все придут.
Со всех концов земных дороги
Всех ко Христу их приведут.
Людское горе и страданья,
Все духа жажды и терзанья,
Источники горючих слез,
Все примет в сердце их Христос
Все канут в это море.

(Майков).

Не стану описывать современной нравственности. Злонравный дух времени и не думает скрываться. Он беззастенчиво обнажает и показывает сам себя.

Но что сказать сердцу чистому и совести непомянутой, что сказать душе верующей в Бога и Его св<ятой> закон при виде страшной, по-видимому, непримиримой борьбы грешной воли человека против св<ятой> воли Бога?

Что сказать законодателям, правителям, пастырям, которым приходится наблюдать безуспешность самых лучших своих мер, направленных к нравственному преуспеянию общества? Что сказать самым жертвам современной разнузданности?

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог.
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

(Майков)

Посеянные Христом семена правды и добра, мира и любви не пропали даром. Но любовь Божия позволяет расти вместе с пшеницей и плевелам. Суровое дожатвенное исторжение плевел могло бы погубить и пшеницу, корни которой на пажитях мира теснейшим образом

переплелись с корнями плевел.

В мире нравственном, как и в мире физическом, наблюдаются явления мрачные и грозные. Зло кажется торжествующим, мир – погрязшим в непотребствах.

Где же правда Божия? Вот тут-то она и видна, благая правда. Божия. Она именно в том, чтобы не губить мир, а спасти его, чтобы из самого зла извлечь возможное доброе, чтобы в самом тлении и растлении возбудить искру новой лучшей жизни.

Ветры злости иногда по местам на беспредельном океане бытия вздувают буйный мятеж бешеных волн, но никогда эти бури и волны не владеют даже всею поверхностью океана, неизмеримыми же глубинами его они не владеют и не завладеют никогда, там вечный мир и покой стихии чистой и невозмутимой Океан без ущерба для мира в тишины своих глубин без конца принимает в недра свои стихию самых бурных волн.

Когда Христос возвещает: «Любите врагов ваших», когда Христос молится за врагов Своих: «Отче, прости им, ибо они не знают, что делают», – это значит, что вечно мирная, нерушимо спокойная, бесконечно мощная стихия Божественной любви, составляющая основу всего океана бытия и, в частности, бытия человеческого, всегда готова принять и принимает в недра свои всю сумму бурных, злобных волн с мятежной поверхности. В недрах Божественной любви злобный мятеж их утихает, они растворяются в мирной стихии, обезвреживаются, не причиняя ущерба ни ее чистоте, ни ее миру. Можно ли учесть, сколько мятежнейших волн она уже восприняла в недра свои, утихомирила, превратив злобную пену их в чистую мирную стихию?

Учтите мощь открытой нам Христом безмерной глубины вечно мирной, вечно спокойной стихии божественной любви, и вы поймете, как ничтожны мятежи человека против божественных добра, истины, правды, любви. С тех пор, как родился Христос, как возшло это солнце правды, осветившее немеркнущим светом весь мир и, в частности, мир человеческий, человеку дана нерушимая возможность непрестанно радоваться и о немеркнущей истине и о нерушимой правде, и о непобедимой любви и о спасенном человеке.

Мятежи зла бессильны. Радуйтесь.

Слово 1927. № 484. С. 1.

Праздник мира

Никогда миру всестороннему и всеобщему не поются такие хвалебные песни, как в дни Рождества Христова. Даже самые ярые противники Христа в эти священные дни как бы забывают про свои лозунги кровавой борьбы и поют хвалу миру и Провозвестнику мира. Я глубоко уверен, что и они не лицемерят, что и в их сердцах действительно живет свойственная всем сердцам человеческим незаглушимая жажда мира, знаменующего собою высшее счастье человека и человечества.

Почему же, однако, этот для всех вожделенный источник счастья доселе не бьет живыми струями всеобщей радости? Или эта всеобщая надежда обман и самообман? Важность и насущность этих вопросов очевидна, но чтобы уразуметь их надо серьезно вникнуть в самую сущность жизненных процессов.

Пока мы будем смотреть только на внешний ход жизни, на преходящие формы ее, а не во внутренние глубины ее строя, пока будем сосредотачивать внимание только на отдельных явлениях жизни или только на отдельных группах этих явлений, не вникая в их взаимную

связь, в их общие цели, не уясняя значения нашей собственной жизни в ходе жизни всего мира и человечества, мы не постигнем ничего ни в своей жизни, ни в жизни человечества, и все видимые сплетения добра и зла, радостей и горестей нам будут представляться только немирным зрелищем нестроений и ужасов, только поводами для безысходных сомнений, только положениями неразрешимой загадки.

Пред нами картины физической жизни видимого мира. Какое здесь сплетение добра и зла, красот и безобразия, величия и ничтожества, радостей и страданий. Идет непрерывная ожесточенная борьба стихий и сил природы, каждодневно порождающая ужаснейшие бедствия и для самой природы, и для человека. Но и в этой на вид беспорядочной борьбе совершается в частях и в целом, явная безостановочная, неослабная работа, в которой все силы и деятели природы от самых великих и до самых малых, от человека до червя, от вековых великанов дремучих лесов до мшинок и былинки, от бушующего океана до мирного журчащего ручейка, от хлопочущего грозною лавою вулкана до свечечки, нежно мерцающей пред образом, все работает и вырабатывает жизнь природы в ее целом, вырабатывает новые силы и средства к продолжению жизни природы, исподволь подготавливает будущее мира, предназначенное вечным Законодателем. Кто хочет, чтобы эта работа природы шла около него по возможности мирно, не грозила ему бедами и ужасами, доставляла чистые радости, тот должен помогать этой работе природы своим разумом, своею энергией, своим трудом, своею доброю жизнью, которая, как и дурная жизнь, имеет значение в общей экономике природы. Невежда дикарь или лентяй, не хотящий или не умеющий содействовать ходу жизни природы, напрасно будет ждать от нее благ радостей. Она будет рождать для него беду за бедой, ужас за ужасом, голод, болезни, смерть.

Таков же характер процессов жизни в мире нравственном человеческом. Все эти люди, от гения и до последнего глупца, от вершителя общественных и государственных судеб до скромнейшего чернорабочего, от повелителя хозяйственных сил до последнего нищего, все, все без изъятия, являются значащими членами того единого организма, имя которому человечество. Каждый, кто бы он ни был, все свое, свои мысли, свои чувства, настроения, энергию, слова, дела, добродетели, пороки, здоровье, болезни вносит в общую сумму, составляющую тот материал, из которого вырабатывается жизнь человечества. Здесь ничто не исчезает бесследно. Даже слово, невзначай сказанное, даже дело, ненароком сделанное, врывается в живую жизнь человечества, становится фактором, влияющим на ход и характер этой жизни, производит сродное себе действие, встретившись с подобными себе, усиливается, усложняется, вступает в борьбу с противными, живо и действительно входит в состав духовной атмосферы, обнимающей и наполняющей жизнь человечества. Сам человек часто рассеянно забывает какую мысль, чувством, настроением, словом, действием дохнул он в мире, но это дуновение его неизбежно входит в живую жизнь и там вместе с другими подобными себе слагается в грозную страшную тучу, сурово виснувшую над жизнью народов и человечества. При виде этой грозной, мир нарушающей тучи люди вопят о нечаянности, нежданности роковой тучи беды, но на деле эта туча капля за каплей, струя за струей создана самими же людьми, она сумма сложенная из слагаемых, данных людьми же.

Кто действительно желает мира себе, своему народу, человечеству, должен вносить в общий котел мировой жизни только мирные мысли, только чистые чувства, только благие стремленья, только правые дела. Когда окидываешь взором и взвешиваешь все то, что из дня в день на протяжении всего мира кидается в горнило жизни народов и человечества, всю массу гнилых слов, нездоровых настроений, злых деяний, планов и намерений, приходится удивляться не тому, что человечество, жаждущее мира, немирно, но тому, что человечество еще не сторело от того множества горючего и взрывчатого материала, которое изо дня в день в течение веков отовсюду бросается в очаг жизни народов и человечества. Человечество можно бы почесть

обреченным на неизбежную погибель, если бы нам не родился бы Спаситель, и словом и делом явивший нам, что мир «во зле лежащий», злу не подвластен. Не мертвящее зло правит миром, а животворящая любовь, возрождающая жизнь из растления и смерти. Зло побеждено. Узников зла ждет свобода. Образ переживаемого человечеством нам дан в текущем времени года. Холод злобы. Все стынет. Широко разостланный мертвый саван. Крепчают ледяные оковы. Мятажные метели кругом насыпают курганы могильные, воют напевами погребальными. Стужа, враждебная жизни, видимо владеет и повелевает всем. Но этим явлением мертвящего зла не обмануть сознания, просвещенного Христом от Христа и через Христа мы знаем подлинную госпожу и повелительницу мира – Любовь. Под саваном мертвых снегов, под оковами льдов и под могилами сугробами, под погребальный вой мятежных метелей непобедимая Любовь в тиши творит свое святое дело – созидать дивные возможности жизни к непреложно грядущей весне мира и радости. Зима затянулась? Но это не значит, что не будет весны.

Вы, чьи лучшие стремленья
Даром гибнут под ярмом
Верьте, други, в избавленье,
К Божью свету мы грядем.
Вы, кручиною согбенные,
Вы цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом.

(А. К. Толстой).

«Сегодня» 25 декабря 1927 года, воскресенье, №292 (№ 724.) 9-й год издания. Стр. 1

Русская Пасха

Иностранцы, посещавшие былую Русь, нарочито стремились приноровить посещение Москвы к празднику Пасхи, чтобы побывать за светлую заутреню с ее единственным в мире ликующим малиновым звоном, неописуемой красоты богослужебным чином и несчетным числом молящихся, собиравшихся на своего рода религиозный парад для выявления во весь рост специфической, чисто-русской религиозности. Праздник поражал не только внешнею красотою и грандиозностью, но еще более духовным величием. Чувствовалось решительно по всему, что Русь великая, могучая, Святая Русь празднует всей душой, всем сердцем праздников праздник. Многочисленные и весьма поместительные храмы Москвы не в состоянии были вместить всех богомольцев. Тысячные толпы стояли вокруг храмов, стояли чинно, жадно ловя каждый звук, долетающий из храма, и русское пасхальное ликование бурлило в них так же, как в храме. Вот из храма вышел на паперть служитель слова, командированный к «внешним». Вся многотысячная масса людей жадно впиалась в него и взором и слухом. Заговорил. «Христос воскрес». Из тысяч уст ответили воодушевленным: «Воистину воскрес».

Проповедник продолжал: «Как невыразимо сладостно раздаются эти чудные для каждого христианина слова, все равно – будет ли то старец или дитя, богатый или бедный, многоученый или простой. Не умом, но сердцем, лучше – всем существом – каждый понимает всю силу этих восклицаний, как каждый ясно видит солнце, с лучами света от него исходящими и озаряющими всю поднебесную. Что солнце для вселенной, то воскресение Христово для нашей жизни. И как по закату солнца все погружается во мрак, так вся наша жизнь в своей глубочайшей основе, как и во всех проявлениях, омрачилась бы непроницаемой тьмой, если бы не озаряло нас солнце светлого Христова воскресения. Тщетна была бы вера наша, если бы Христос не воскрес. Не было бы веры в жизнь, радость, счастье, в истину, добро,

справедливость... И глубокая скорбь без надежды на утешение разлилась бы над мрачною юдолью нашего земного странствования.

Бедный труженик, всю жизнь бьющийся, как рыба об лед, из-за куска хлеба, из-за насущного пропитания, не видящий просвета радости, в то время, как многие, предаваясь праздности, проводят все дни своей жизни в веселии, – чтобы мы сказали тебе в утешение?

Ты, обиженный богатыми славными мира сего, ты, многострадальный Иов, в ком колеблется вера в правду, в закон ввиду торжествующей неправды, что могло бы отереть тебе слезы от горькой обиды, суровой несправедливости?

Вы, чье сердце поражается до глубины кровавыми, никогда незабываемыми утратами, вы, плачущие неутешно у гроба любимого существа, кто дерзнул бы сказать вам: “Не плачьте?”

Мы могли бы сказать вам: “Взирайте на Христа. Кто был безгрешнее и святее Его, чья жизнь непорочнее, кто больше Его делал добра людям, кто возвещал более возвышенные и святые истины? Взирайте на Него”.

“Да, – сказали бы вы, – но чем окончилась эта святейшая жизнь? Не торжеством ли над нею неправды и зла, зависти и насилия? Не умер ли Он замученный на кресте, могила не поглотила ли Его, как и всех? О, мы с благоговением и трепетом внимали дивному повествованию об этой необыкновенной жизни, полной божественного света, и сердце наше разгоралось любовью и надеждою, но вот прошли дни и годы, столетия и тысячелетия, как все это произошло... На что здесь надеяться...”

И эта речь была бы правдива. Воистину мы были бы, по сильному выражению св<ятого> Павла, людьми погибшими, все бы погибло бы, погибла бы вера в жизнь, в правду, в добро, в истину, если бы Христос не воскрес...

Но... Христос воскрес, Христос воскрес, Христос воскрес. (Ликующие массы отвечают: воистину воскрес, воистину воскрес, воистину воскрес). Солнце правды взошло над миром, исчезни же мрак. Исчезни все, что может омрачить нашу жизнь. Исчезните вы, мрачные представители неправды и насилия, исчезните враги истины, исчезни сама смерть со своим ядовитым жалом, исчезните все слуги зла. Христос воскрес, да расточатся врази Его. Ныне вся исполнишася света, бытие наше исполнено глубокого смысла, сердце радостно трепещет новою жизнью, и радости нашей никто не может отнять у нас. Христос врагов победил, восторжествовал над всеми силами зла над всем, что может омрачить нашу жизнь лишить нас радости, мира, веры, покоя, Христос смерть поправил.

Потеря рая и блаженства рая, проклятие и спасение, смерть и бессмертие, время и вечность, земля и небо, как все это давно и неразрывно сочеталось с воскресением Христа.

Возведи очи твои и виждь: лучезарное солнце взошло, и нет цветочка, не обратившегося к Нему, нет росинки, не отразившей Его, нет существа, не вострепнувшего навстречу Ему, нет на земле христианского сердца, не озарившегося радостью воскресения.

Сердце трепещет этою радостью и, мнится, везде находит отзвук, и все люди и небо, и воздух, земля и море, все твари – все звучит победным хором, все вторит нашей радости, все трепещет предчувствием новой лучшей блаженнейшей жизни.

Отдадимся же этой исключительной и единственной радости, обнимающей все, отдадимся ей беззаветно, без меры, без опасенья, и сколько бы мы ни радовались, источник ее будет бить неистощимым ключом, и самой вечности не исчерпать его. Христос воскрес, Христос

воскресе, Христос воскрес».

После могучего: «Воистину воскрес», – тысячи уст потянулись к пастырю для троекратного пасхального лобзания, а затем и по всей толпе стал царить этот священный русский обычай – «христосованья». «Радостью друг друга обнимем; рцем: братие, простим вся воскресением» – в верующих воочию воплотился тот священный дух, которым дышит эта пасхальная песнь, и в храме, и вокруг храма, и по всему лицу Руси святой стерлись все мирские различия сословные, социальные, экономические и прочие, и прочие, и прочие, все стали братьями, одушевленными единым духом Христовым.

Власть этого пасхального христианского настроения на Руси так велика, что пред нею по швам становятся и Чека и ГПУ, в водоворот пасхальных чувств, невзирая на колючие запретительные ограждения, вовлекаются и самые матерые коммунисты. Да, велика сила веры на Руси Святой. Неиссякаема. Непреоборима. В ней спасение Руси.

Слово. 1928. № 831. С. 1.

Жажда бессмертия

Сменяйтесь времена, катитесь в вечность годы,
Но некогда весна бессменная придет...
Жив Бог. Жива душа. И царь земной природы,
Воскреснут человек: Бога мертвых нет.

(Гнедич)

Не у всех так ясно и определенно выражается вера в вечную жизнь, но то несомненно, что тяга к вечному присуща каждой здоровой душе. По выражению русского философа «всемирное тяготение к вечности уже и теперь в этой жизни властно проявляется в стремлении создать себе настроение, стоящее вне временного потока, свить из лучей истины, добра и красоты как бы духовное гнездо, где находит защиту и уединение от невзгод и жалоб жизни». Как растение тянется к свету, укрепляя свои корни в той самой земле, которая послужила могилой для зернышка, так и дух стремится к свету вечности, несмотря на свою связность с земным прахом. Все существо человека протестует против самой мысли о возможности безнадежной смерти.

«Когда вообразу,
Что мертвый я в гробу лежу,
Что крышкою его накрыли,
И в крышку гвозди вколотили.
И в землю гроб спустили мой,
Да и засыпали землей,
Душе обидно так и больно.
И тело дрожь берет неволью».

(Огарев).

По выражению Амиеля, «жизнь никогда не хочет родниться со смертью». Даже при наличии тяжкой болезни и в частности болезни духа, тяготение к жизни и при том жизни беспредельной, вечной не прекращается. Ужасная проказа разлагает тело живого человека, угнетает дух, но и она не в состоянии подавить тягу к жизни. Посмотрите на скрягу. Можете ли вы насытить жадность этого духовно больного человека? На что ему горы соковищ? Но он продолжает накопление «средств жизни» до последнего своего издыхания. Инстинкт

бессмертия говорит ему о бесконечности жизни, и заблуждение его состоит лишь в том, что он считает свое золото пригодным до бесконечности.

Подслушайте голос своей внутренней природы в то время, когда цветы ее распускаются под лучами духовной весны, когда лепестки их еще не обиты ветрами жизни, подслушайте исповедь сердца пред его двойником, и вы услышите, как молодые уста клянутся друг другу в вечной любви и вечной верности. Опять инстинктивная тяга к вечности обнаруживается самым непререкаемым образом.

Зачем ты, добрый хозяин, строишь свой дом таким прочным, как будто собираешься в нем жить сотни и тысячи лет? Забота о наследниках? Но искренен ли ты? Ведь ты все приспособляешь к потребностям своим и тех, кто ныне близки тебе. Что для тебя будущее, если ты исчезнешь бесследно, как водяной пузырь в непогоду? Забыв на время о своем вечном жилище, ты строишь свою временную хижину с желанием вечности.

А вы, строители государств, не мыслите ли вы себя в живом отношении к ним и в бесконечности? А вы, творцы «вечных произведений» искусства, науки, не влагали ли вы жизни своей в ваши творения с тайною надеждою, что этим устанавливаете связь свою с бесконечным будущим? Что вам эти неведомые вам будущие, если сами вы думаете превратиться в ничто, в небытие, если ваши произведения оторванные от вашей живой личности, будут лишь звуками из пустоты, мыслью без мыслящего? Не чаете ли вы, «от тлена убежав, вовеки жить»?

А вы, герои духа во всех областях жизни, полагающие жизнь свою на костер испытаний, претерпевающие подобно голгофскому Страдальцу, грубую неправду, черную неблагодарность, муки, страдания за воодушевляющую вас святую идею и сбрасывающие свою «земную храмину» тела, как ветхую одежду, разве вам не предносится святая вечность, где чистая правда живет, «идеже несть болезнь и печаль, но жизнь бесконечная?» В моменты, когда бушующее напастями житейское море взмывает нас на самые вершины своих бурных всегубительных волн, мы ясно созерцаем тихие, светлые дали вечности. Оттуда претерпевший страшные страсти, крест, смерть и погребение воскресший Христос зовет нас на твердый берег веры, надежды и любви. «Я воскрес, Я жив и вы живы будете».

«Тот, Кто с вечною любовью
Воздает за зло добром,
Избиен, покрытый кровью,
Венчан терновым венцом,
Всех с Собой страданьем сближенных,
В жизни долею обиженных,
Угнетенных и униженных
Осенил Своим крестом,
Вы, чьи лучшие стремленья
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавленья,
К Божье свету мы идем,
Вы, кручиною согбенные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом».

(А.К. Толстой)

В этой тяге к вечности рождается вера в бессмертие личности, служащая надежнейшею

опорю для всех свв. идеальных великих порывов души.

«Жить не легко. В жизни вечно есть нечто грозящее.
Между прошедшим и будущим наше сознание
Ловит лишь то, что бросает нам время летящее...
Счастлив, кто ищет спасенья от зол и страдания
В Лоне Того, Кто во веки веков настоящее».

«Сегодня» 15 апреля 1928 года, 10 год издания, №100 № 831, с.1

Вера в духовное воскресенье

Яркое исповедание этой веры мы встречаем у близкого нам по времени поэта, глубоко пережившего все те же тяготы жизни, от которых стонет наша современность:

«Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат:
Кто бы ты ни был, не падай душой:
Пусть неправда и зло полностью царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь:
Верь. Настанет пора - и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!
Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах, -
В мир приидет она в силе и славе своей.
С ярким светочем счастья в руках,
И не будет на свете ни слез, ни вражды.
Ни бескрестных могил, ни рабов.
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов!»

(Надсон).

А современный ему философ-поэт обосновывает эту удивительную уверенность:

«Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
и не погаснет то, что раз в душе зажглось.
Родился в мире свет и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла».

(Вл. Соловьев).

Из области личной морали уже никакие силы не в состоянии исторгнуть раз осознанного во Христе высокого достоинства человеческой личности, которая независимо от ее внешнего положения в этом мире, имеет высокое призвание «в тот мир прекрасный и святой, где спит завистливая злоба, где вечно царствует покой, где ум не возмутит сомненья, где не изноет грудь в борьбе» (Надсон).

У семейного очага жена уже никогда не станет рабыней, как это было до Христа. То

бесправное положение детей, с которым мирилась и древняя философская мысль в лице таких светил, как Платон и Аристотель и древнее законодательство 12 таблиц, предоставляя отцу или принять или выбросить или умертвить их, как щенка, кончилось со Христом. Христианство породило новое сознание, что дети дар Божий, за который родители ответственны перед Богом. Христианское законодательство и в малом младенце защищает человеческую личность.

Когда Христос провозгласил равно честность раба и свободного в Царстве Божьем и христианское сознание стало смотреть на рабов как на равно честных во Христе братьев, отпало раз навсегда воззрение на раба, закрепленное и в языческом законе, и в языческой философии, будто рабы не имеют человеческого достоинства. В настоящее время и законодательство и теория христианских государств настолько прочно восприняли эту идею Царствия Божия, что позорящий древнее человечество институт рабства можно считать уже раз навсегда упраздненным. Древность смотрела на труд как на удел рабов и черни, свободная интеллигенция считала унижительной для себя работу. Христианство призвало всех к работе. Каждый должен трудиться, чтобы есть хлеб, заработанный своими руками. Установлено категорическое правило: кто не работает, тот пусть и не ест. Эксплуатация чужого труда ограждена правилом: «достоеен делатель мзды своея».

Понятие «варварских народов» упразднилось провозглашением равенства всех народов в Царстве Божьем. Эта идея Царства Божья ныне может почитаться общепризнанной и в мирских государственных организациях, причастных христианской культуре.

Война, хотя и продолжает быть и, вероятно долго еще будет печальным спутником человека, но и побуждения к ней, и самый характер ее медленно, но постоянно смягчаются. Древний человек шел на войну как на охоту. Враг для него был дичью, он убивал его или брал в плен, чтобы съесть. Восточные и другие завоеватели древности стремились покорить соседей, чтобы сделать их рабами. Проходят века и побежденный терпит только материальный ущерб: от него отнимают области, города, гавани, требуют уплаты военных издержек победителя. Последствия войны изменились к лучшему. Сначала победитель требовал жизни, потом – свободы, ныне – только кошелек. Варварское обращение с безоружным врагом ныне клеймится, как позорное зверство. Враг считается врагом, пока он с оружием в руках: раненый или пленный он уже страждущий брат. Все громче и громче раздаются голоса о полном прекращении ужасов войны. Христианская идея о мире всего мира приобретает все больше и больше сторонников, все чаще и чаще делается предметом обсуждения в широких и авторитетных кругах. Начали толковать – до чего-нибудь дотолкуются. Новые мысли принимаются не вдруг. Они как зерна сначала набухают, потом дают росток, наконец выпускают вверх зелень – росток добра. «Не погаснет то, что раз в душе зажглось».

Все такое убедительно говорит, что вершины зла понижаются, если не во всех, то во многих своих проявлениях зло смягчилось и смягчается. Совесть человеческая воскрешенная Христом, начинает возмущаться многим тем, с чем раньше уживалась, что в греховном усыплении стремились оправдать. Человечество, хотя медленно, но верно идет вперед и вперед по указанному Христом пути правды и добра и мы, учтя, что было до Христа и что есть ныне, можем смело присоединиться к исповеданию философа-поэта:

«Великое не тщетно совершилось,
Не даром средь людей явился Бог.
К земле не даром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.
В незримой глубине сознанья мирового
Источник истины живет незаглушен,
И над руинами позора векового

Глагол ее звучит, как похоронный звон».

(Вл. Соловьев).

1930 год. «Вера и жизнь» №5, май с. 65-68.

Беседа в Неделю Православия

Сегодняшний праздник именуется Торжеством Православия. С ним связывается благоговейное воспоминание о победах православия над внешними и внутренними врагами. Победы православия своим последствием имели то, что в целом ряде великих стран Православная Церковь стала духовною руководительницею жизни народов и способствовала мощному всестороннему развитию сил православных народов. В России, мировом центре православия, где сосредоточилась почти половина всех православных вселенной, благое влияние православия на жизнь народную сказалось особенно широко, глубоко и разносторонне. Понятно, что и празднование Торжества Православия здесь было поставлено благолепнее, чем где бы то ни было. И здесь торжество это носило характер христианский мирный, исполненный духом любви, но вместе с тем всегда чувствовалась смиренная и в то же время великая мощь Церкви. Торжество Православия здесь было не только воспоминанием славного былого, но и смотром великих сил наличных.

Таково ли содержание Торжества Православия ныне? Великого, славного былого Церкви, никакая вражья сила не в состоянии умалить: оно и ныне красит Торжество Православия. Но что привносит в это Торжество наличная, текущая жизнь Церкви Православной?

Дело общеизвестное, что в целом ряде стран Православная Церковь ныне вынуждена жить в обстановке суровейших утеснений или даже лютейших гонений, и утеснения и гонения особенно жестоки именно в главном очаге православия, на Руси. Здесь и правовое и фактическое положение Церкви доведено ныне до того предела утеснений и гонений, дальше которого идти уде некуда. Церковь в целом лишена даже прав юридического лица и не имеет права собственности. Этих прав лишены и все церковные организации, входящие в церковь, как частив целое. Ни церковь в целом, ни ее организации «не могут выступать в хозяйственном обороте, а также пред госорганами, как коллективы, как особые субъекты прав» (Проф. Елистратов. Адм. Право, с. 149). Церковь и ее организации юридически не признаются коллективами, «это не есть какой бы то ни было вид организации общества, это есть только совокупность отдельных лиц» (Ibid. 147). С госорганами церковь может сношаться через уполномоченных, «но эти уполномоченные являются юридически не органами общества и даже не его представителями, но лишь поверенными граждан» (Ibid.149). «Не имея прав юридического лица, религиозные организации (в частности б. Консистории, ныне переименованные в еп.советы, управления, правления и т.п.) тем более не имеют права присваивать себе функции судебные, карательные или налоговые» (Ibid.150). «Съезды религиозных общества в масштабе ниже губернского не допускаются» (Ibid.150). Постановления съездов ни для кого не имеют обязательной силы. Как на цель и подобных мероприятий указывается «на уничтожение иерархического характера церковной организации» (Ibid. С.147), т.е. уничтожение канонического строя церкви, уничтожение церкви. У церкви и ее организаций и в правовом и в материальном смысле все отнято. По выражению советского профессора, церковь и ее организации поставлены в положение полной «юридической импотенции» и по части обогащения и по части всех сношений с нынешним миром (Ibid. С.148).

Служители церкви всех практически ступеней в полном смысле слова, являются лицами, лишенными прав, в частности они лишены пассивных и активных избирательных прав и таким

образом лишены возможности не только участвовать в государственных, коммунальных и других учреждениях, но и участвовать в комплектовании их. Они лишены права участвовать в узаконенных профессиональных союзах, что при наличных условиях жизни равносильно лишению права на труд и заработок. Они лишены права участия в кооперативных организациях, что равносильно лишению права участия в хозяйственной жизни страны. Доступ к государственной службе для них безусловно закрыт. Самые последние вести говорят, что у них отняты права на жилище и продовольствие. Такое широкое лишение прав, и то по суду, применяется лишь к самым тяжким преступникам. Очевидно, что служение культу рассматривается как тягчайшее преступление, и без суда влекущее за собою лишение прав. Известны многочисленные случаи, когда лицам, отрекшимся от веры и служения культу, обеспечивались все права на самые широкие житейские возможности.

Правоограничение не миновало и верующих мирян. Например, ни один верующий мирянин не может быть членом правящей партии большевиков. Известны случаи исключения из партии и лишения должностей за принадлежность к вере: в Пензе «т. Афанасьев» за то, что повенчался в церкви, был исключен из партии и лишен комиссарских должностей.

Образ монашеского жития, по верованиям Православной Церкви, является нарочитым видом осуществления христианского идеала. Православное русское сознание особенно высоко чтит монашество. Под сению 922 русских обителей жили многие тысячи иноков и инокинь, посвятивших себя подвигам иноческой жизни. Общеизвестно, сколько великих героев духа воспитали русские обители и какую громадную роль играли святые обители в религиозной и вообще культурной жизни Руси. Все без изъятия обители насильственно упразднены. Иноки и инокини разогнаны и образ монашеского жития взят под запрет. Некоторые обители снесены до основания. Религиозные и исторические ценности их подвергнуты гнуснейшему поруганию. Некоторые обители приспособлены под учреждения, резко и грубо противоречащие первоначальному назначению обителей. Например, знаменитая Соловецкая обитель обращена во всероссийскую тюрьму, где ныне всевозможными способами истязуются жертвы большевистского режима. Несомненно, из всех тюрем мира эта ныне самая ужасная тюрьма. Воспоминания лиц, вырвавшихся из этой тюрьмы, наполнены ужасом. Куда девались десятки тысяч прежних насельников святой обители? Многие умучены: закончили свои иноческие подвиги подвигом мученическим. Многие томятся в большевистском застенке и ссылках, чая «разрешиться (умереть) и со Христом быть». Многие продолжают свои иноческие подвиги в дебрях необозримых лесов. Многие посвятили себя подвигу странничества, но все они без изъятия насильственно лишены возможности осуществлять свой мирнейший религиозный идеал.

Не только все материальные достатки церкви и ее организаций насильственно отняты, грубейшим образом разгромлены просветительские, благотворительные и все прочие организации церкви. Все без изъятия церковные школы, начиная от школ грамоты и до славных духовных академий, этих родоначальниц русских высших школ, насильственно упразднены. Упразднением всех духовно учебных заведений, Церковь лишена возможности готовить на смену отходящим пастырям новые кадры просвещенных пастырей. Уже насильственное упразднение церковных народных школ сильно ограничило возможности религиозного просвещения и воспитания масс в духе веры. Но большевики пошли дальше. В наличных школах всех названий пастырям и религии доступ закрыт безусловно. (Цирк. НКП. 3.3 1919.) «Преподавание вероучения лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не допускается вовсе» (См. проф. Елистратова. Адм. Пр. с.146) и карается как уголовное преступление. (Проф. Немировский. Уголов. Право с.302-303).

Вся без изъятия православная пресса удушена. Все церковные книжные запасы «национализированы» и частью преданы сожжению, частью сданы на бумажные фабрики для

переработки в бумагу, частью выброшены на заграничный рынок. Новопечатание священных книг сделано невозможным. Мало этого: невозможным сделан и ввоз священных книг из-за границы. Британское Библейское Общество сделало попытку направить в страну, переживающую острейший голод слова Божия, священные книги из своих запасов. Хотя книги священные направлялись не в целях торговых, а для даровой раздачи, они через границу пропущены не были: их пришлось раздать верующим Латвии и других приграничных стран.

Не говорят ли все такие и подобные факты о решении большевиков насильственно удушать религиозную веру путем угашения всех источников религиозного света и просвещения?

Разгромы храмов носят массовый характер. Даже по большевистским, обычно, лживым, данным число разгромленных храмов измеряется тысячами. На самом деле разгромленных храмов десятки тысяч. Каждая из разгромленных большевиками православных обителей имела по несколько храмов, а в лаврах и обителях великих храмы считались десятками. Разгромлены все без изъятия храмы особого назначения: храмы учебных заведений, храмы военные, храмы ведомств и т.п. Храмов монастырских и храмов особого назначения на Руси было до тридцати тысяч. Прибавьте к этому счету разгромленные приходские храмы, о разгромлении которых изо дня в день хвастливо вещают и сов. пресса и сов. радио, прибавьте к этому счету еще разгромленные храмы инославные, мечети и синагоги, и вы поймете, что на протяжении всей истории человечества никогда и нигде ничто подобное не имело место. Большевики не таясь заявляют, что мечтают в ближайшую пятилетку разгромить в злосчастной стране все без изъятия храмы. Нельзя умолчать и о том, что пока еще не ликвидированные храмы в настоящее время повторными налетами большевиков доведены до убожества. Все имеющее материальную ценность из храмов насильственно изъято.

Ясно, что церковь, ограничив ее до последнего предела в правовом отношении, хотят поставить пред лицом физической невозможности выполнять свое святое назначение.

Режим противорелигиозных насилий с каждым годом становится суровее. Измышляются все новые и новые насилия. Предстоящую календарную реформу имеет в виду исключить возможность праздновать воскресные дни и другие праздники. Традиционное созывание верующих на молитву колокольным звоном берется под запрет. Раздаются влиятельнейшие большевистские голоса, что статья о свободе совести в конституции противоречит «марксистскому подходу к религии» (Проф. Елистратов. Адм. Право. 142). «Действительная свобода совести, как ее понимает Маркс, обеспечивается одной свободой антирелигиозной пропаганды, да и только» (Ibid. С. 143).

Большевистские гонения и утеснения веры и церкви не ограничиваются насильственным подавлением веры и церкви. Насилия большевиков всегда сопровождаются грубейшими издевательствами и жесточайшим моральным и физическим истязательством. Кто знаком с большевистскими изданиями, знает, что представляет собою так называемая безбожная литература. Это сплошное, грубейшее зубоскальство над верующими и верою, над всем святым и чтимым в былом и настоящем. Для целей зубоскальства бесстыднейшим искажениям подвергают и вероучение, и историю и текущую действительность. Это литературное хулиганство на потеху подонкам человечества. Антирелигиозные выступления большевиков на митингах, в антирелигиозных процессиях еще грубее и бесстыднее их «литературы».

Не диво, что вся их так называемая антирелигиозная пропаганда ведет к результатам совершенно противоположным желанию большевиков. Но издевательства большевиков над верою и верующими не останавливаются на хулиганской «словесности». Большевики издеваются и делом. Вот ликвидируется монастырь или приходская церковь. Все имеющее материальную ценность прибирается к рукам, а религиозные ценности подвергаются

публичному посмеянию. Остервенелые хулиганы выволакивают со всевозможными надругательствами храмовые иконы, облачения и прочие храмовые предметы на площадь, складывают в костер и на виду у верующих сжигают, устраивая вокруг костра дикие хулиганские оргии с пением ругательских песен и плясом. Наиболее чтимые святыни, например, св.мощи, волокут в музеи, где норовят поместить их с нарочитым надругательством над религиозным сознанием верующих. Например, мощи Виленских мучеников еще в начале большевизма были помещены в музей так, что с одной стороны их лежал труп дохлой крысы, а с другой труп преступника. Конские попоны, сооруженные из парчи облачений, - явление настолько обыденное, что образцы таких попон попадают даже на заграничные выставки. Все даже заграничные рынки наводнены «изъятыми» церковными драгоценностями и в заграничных комиссионных лавках валяются в оконных выставках иконы и потиры вместе с предметами, которые не принято называть...

Куртизанки большевиков щеголяют в украшениях, снятых с чудотворных икон. Нам лично пришлось видеть, как при «изъятии» драгоценной дарохранительницы, большевик рассыпал св. запасные Дары по полу и нарочито топтал их ногами. Обычное явление, что разгромленный храм большевики обращают для мирских целей, не только не имеющих ничего общего с религией, но нарочито и вопиюще противоречащих религиозным целям. Известны случаи обращения храмов в клубы комсомольцев и безбожников, в музеи антирелигиозной пропаганды, в кинематографы, в театры самого легкого пошиба, в студии. В том числе и студии всякого бестудия, в свалочные помещения и т.п. Кроме ущерба, причиняемого верующим «изъятыми», имеется в виду причинить им острые страдания при виде открыто и длительно поругаемой святыни.

Издевательствам над живыми силами церкви нет счета и меры. Кто не помнит как издевались большевики над св. Патриархом Тихоном, которого и именовали-то не Патриархом, а гражданином Белавиным. Общеизвестны и издевательства над архипастырями. Еще в начале большевизма арестован был Архиепископ Тульский Ювеналий. Пока ЧК разбирала его дело, он был обречен на служение в санитарном обозе и был вынужден разъезжать по своему кафедральному городу на облучке санитарной бочки. На заключенного Архиепископа Арсения Таганрогского возложили обязанности пастуха. Престарелого Архиепископа Иосафа Крутицкого, заместителя Патриарха по московской епархии, регулярно высылали из казематов ВЧК убирать улицы г. Москвы. Пытка, несомненно, ускорила смерть старца. Факты издевательства над архипастырями, благодаря занимаемому ими иерархическому положению, хотя не сполна, но отмечены. Но кем замечены и отмечены те издевательства и истязания, которые пережиты и переживаются рядовыми сельскими пастырями и мирянами? В изначальную пору большевизма и архипастыри и пастыри и миряне во множестве подвергались высшей мере большевистского насилия - расстрелу. По приблизительному, неполному подсчету, «у стенок» погибло свыше 30 архипастырей. Счету расстрелянным рядовым пастырям и исповедникам веры мирянам, я уверен, не знают и сами большевики. Точных цифр не может быть и у церковных властей, ибо расстрельщики свое злое дело делали коварно. Например, арестованный в Петрограде протоиерей Путиловского завода Смирнов, расстрелян в Пензе, причем в списке расстрелянных он был отмечен не протоиереем, а просто гражданином Павлом Смирновым. В большинстве случаев списки расстрелянных без именных списков. Как бы то ни было, число расстрелянных за веру колоссально.

Уже в начале большевизма были целые города, где пастырство подвергнуто истреблению (например, г. Барнаул). В Саратове единовременно был расстрелян Епископ Герман со всеми членами епархиального совета. В Астрахани на протяжении нескольких дней были расстреляны Архиепископ Митрофан, Епископ Леонтий и члены епархиального совета. Уже в начале большевизма в патриархате и поместных церковных центрах имелись сведения о

многих тысячах расстрелянных пастырей. В советской формулировке почти все расстрелянные архипастыри и пастыри значатся расстрелянными за контрреволюцию. Но эта формула может ввести в заблуждение только несведующих. Сведущим ведомо, что в большевистской обстановке религиозная вера сама по себе уже является делом контрреволюционным. Всякий верующий, активно выступающий там на защиту веры – контрреволюционер. В последнее время тактика большевиков по отношению к верующим несколько видоизменена. Уничтожение исповедников веры путем расстрелов применяется реже, чем в первые годы. Исповедников веры гноят в казематах, в концентрационных лагерях и других местах суровой ссылки. Расчет ясен. При ужасном режиме указанных мест истязания даже самые сильные организмы тают, сходят на нет. По существу последняя система не лучше прежней. Пуля сразу сражала жизнь. Пыне исповедников веры морят медленной смертью мучений.

Существо дела не изменилось, изменилась лишь форма. Как в первые годы большевизма так и в настоящее время быть верующим при режиме большевизма значит быть исповедником веры, готовым на мученичество. Подвиги мученичества и исповедничества при большевиках стали мерилем веры и верующего. Суровое мерило, но оно, благодаря зверскому режиму, усвоено сознанием верующих и прилагается к верующим, а особенно к вождям веры. Отступление от долга исповедничества, готового на мученичество, особенно в вождях веры, осуждается как измена вере. Только этим можно объяснить ту суровость отношений верующих масс к Митрополиту Сергию, о которой оповестила мир пресса. Несомненно суровость масс в данном разе чрезмерна. Разве не знают эти массы, что беседа Митрополита Сергия, отрицающая наличие гонений веры при большевиках, могла и не быть беседою Митрополита Сергия, ибо большевистский режим есть режим всяческой лжи, не исключая и подлогов.

Разве не ведомы этим массам случаи бессовестнейших подлогов? Разве не ведомы этим массам несчетные случаи, когда большевики истязаниями доводили людей до невменяемости, до готовности подписать что угодно (пример Щепкина?) Но сознание закаленных в гонениях масс ценит только героев веры, ибо и сами эти массы в исповедании веры героичны до готовности к мученичеству за веру. В самом деле, разве не героичны те миллионы православных, которые под непрекращающимся градом большевистских издевательств в тисках непрерывных моральных и физических истязаний, под постоянною угрозою мучений и смерти открыто исповедуют св. веру?

На протяжении всей истории человечества большевистское восстание против Бога, большевистское гонение веры и верующих, несомненно, самое грубое, самое жестокое, самое широкое. Но и религиозный героизм никогда в истории не был одновременно достоянием стольких миллионов людей. Нет в истории другого десятилетия, которое было бы так богато исповедниками и мучениками крови, как первое десятилетие большевизма. Церковь страдает как не страдала никогда, но и героическая духовная мощь церкви достигла ступеней небывалых. В этой мощи слава церкви и эту славную духовную мощь мы в праве благоговейно осознать и прочувственно провозвестить в сегодняшний праздник Торжества Православия.

Но, вместе с тем, мы не можем не присоединить и свой голос к голосу совести всего культурного человечества: люди-звери, большевики своими гонениями веры заслужили, чтобы их причислить и к ним относиться, как к величайшим злодеям и извергам, Бога не боящимся и людей не стыдящимся, чтобы признать их заслужившими кару и от Бога и от человечества.

Небывалый по единодушию протест человечества побудил струсивших злодеев публично отрицать наличие гонений на веру, а когда человечество не поверило им, привлечь высших служителей веры к опровержению вестей о гонениях. Нам кажется, что последнее обстоятельство особенно красноречиво говорит о том, как бесчеловечны большевики и до каких пределов ими доведены гонения. Лишь люди исключительного бесстыдства могли

обратиться к своим жертвам с требованиями лжесвидетельствовать миру в обеление гонителей веры: большевики-де неповинны в злодеяниях против веры и верующих. Только жертвы гонений, доведенные истязаниями до последних степеней невменяемости, могли подписать пред судом Бога, мира и истории документ, заключающий в себе такое лжесвидетельство. Лишь люди преступного склада могли решиться на опубликование лжесвидетельства, при том лжесвидетельства, добытого путем террора.

Сегодня в день Торжества Православия, воздавая дань почитания героям веры, прославившим дело Божье подвигами исповедничества и мученичества, поставим себе за правило непрестанно молиться и в домах и в храмах, да укрепит господь верующих, претерпевающих от большевиков гонения и истязания, на дальнейшие подвиги исповедничества и мученичества, да возродит Господь силы ослабевших под гнетом гонений. Люди мира сего, судящие о делах веры по-мирски, готовы преуменьшать подвиги верующих, ибо людям мира сего кажется, что возмущенное гонениями сознание верующих должно было побудить их низвергнуть большевиков силою внешнею, но верующие должны понимать, почему это не делается: для верующих свят урок Христа, преподанный сынам Зеведеевым (Лк.9:54) и св. Петру (Мф. 26:51-54). «Мне принадлежит отмщение и Я воздам, говорит Господь» (Евр. 10:30). Господь Сам вразумит гонителей мерами, ему ведомыми, и во время Им Самим предначертанное. «Когда они будут говорить: «Мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба» (1 Сол. 5:3). Ныне, когда совесть всего человечества осудила злодеяния большевиков, на память приходит народная мудрость: глас народа – глас Божий. Если сами большевики еще не осознали своего положения, то это потому, что «пред падением возносится (надмевается) сердце» (Сир. 9:8, 18:12; Еф. 3:1). Аминь.

9 марта 1930 года – Беседа в неделю Торжества Православия в Рижском Кафедральном соборе после литургии перед молебном о прекращении гонений на Святую Православную церковь.

«Вера и жизнь», №3, 1930 г., с. 33-41.

Слово в Великий Пяток

Никогда во время земной жизни Христа внешне одиночество и одиночество духовное не были выражены так ярко, как в пору неизреченных Голгофских страданий и умирания на кресте. Даже ближайшие ученики оставили его – бежали. Даже доблестный апостол Петр отрекся от Него. Враги торжествовали мнимую победу не только над Ним лично, но и над Его делом. Правда, у креста остались св. Иоанн и верные жены-мироносицы, но, подавленные скорбью, они не видели способов даже для того, чтобы пречистое тело Иисусово изъять от поругания, сужденного обычаем телесам повешенных на кресте. Казалось неизбежным, что грубыми руками палачи сорвут с креста пречистое тело и с ругательством бросят в свалку, как падаль. В эту, именно, пору появляется Иосиф Аримафейский. Что за Иосиф и что за Аримафея? Но он был, именно, тот человек, который в данное время был нужен. Муж влиятельный, именно, в том роде, в каком влиятельность была нужна в данное время: член синедриона, советник, богатый человек, с весом у Пилата. Все евангелисты упоминают о нем. Мы узнаем, что он был «муж праведен и благочестив, чающий Царствия Божия». Он скрывал свою приверженность ко Христу, но ныне под крестом он осмелел, пошел к Пилату, просил тела Иисусова и получил просимое.

Так у Бога всегда: нужный человек появляется именно тогда, когда он нужен. В рати Христовой наблюдается тоже, что случается и в ратях человеческих: знамя, склонившееся в прах, поднимает безвестный воин, и оно вновь развивается над ратью, рассеивая смущение и тревогу, Жив Господь, живо Его дело. Господь владычествует и со креста и будет владычествовать во веки веков. Это должны мы помнить всегда и особенно во времена

искушений и испытаний. Когда уныние готово перейти в отчаяние, Господь неизменно подвигает человека благопотребного. Нашелся свой Иосиф для Израиля в Египте, нашелся Иосиф, который окружил Христа отеческими заботами в детстве, нашелся Иосиф, уготовавший Христу достойное погребение. Печально было то время, когда помрачились и духовные и телесные очи стража града Господня Илия, и сыновья его стали на пути, губительные для Израиля. Но что это за младенец, принесенный благочестивою матерью в храм для посвящения Богу? Это Самуил, будущий вождь и возродитель Израиля, имеющий освободить Израиль от уз, скованных нечестивыми сынами Илия.

Господь вчера, и днесь, и во веки – тот же. Когда позор безбожия и нечестия ныне гнетет чад нового Израиля – Руси святой где-нибудь на равнинах Руси или в сибирских лесах или в какой-нибудь из стран изгнания и рассеяния великого народа-богоносца уже уготавливается благодатная почва, которая возрастит избранника Божия во избавление и возрождение народа-богоносца. Оскудели вожди, в утеснении пастыри. Человеческое око не видит откуда прийти избавлению, но Господь Всеведущий знает это. Даже самые зоркие современники не чуяли и не предвидели появления пр. Самуила, Дмитрия Донского, св. Гермогена, Минина, Пожарского, но в Боге положенное время появились они и задание Божье выполнили. По человеческому разумению и появление Иосифа Аримафейского было неожиданным. Евангелисты мало говорят о предыдущих судьбах его и ничего не говорят о последующих, но утешительный смысл его появления от этого не страдает. Господь, ему одному ведомыми путями, воздвигает людей благопотребных во время благопотребное. В этом мы можем и должны быть уверены. Но это не единственное назидание сего голгофского события.

Про Иосифа говорится, что он был учеником Христовым, но тайным «страха ради иудейска». В этом отношении он не образец для нас. Скрывать свою веру страха ради – дело малопочтенное. Если ты действительно боишься Бога, то больше тебе уже некого бояться. Стой за Христа и Он постоит за тебя. Отчего зависела робкая сдержанность Иосифа? Может быть общей настроенности духа. Есть люди от природы робкие нерешительные, подобные цветам, распускающимся только в тьме ночной, чрезвычайные обстоятельства могут подвигнуть их на проявление решимости. История знает случаи, когда люди этого типа в решительную минуту являли геройское мужество, готовое на мученичество за Христа, но когда жизнь не ставила на пути чрезвычайных обстоятельств, многие из них оканчивали дни свои в пресловутой теплостудности. И такова судьба большинства этого типа людей. Поэтому теплостудность должна быть выживаема и в себе и в других. Страх человеческий – это сорная трава на духовной ниве, подлежащее искоренению.

Может быть Иосиф поддался духу нерешительности и робости, потому что он был богат. «Трудно богатому войти в Царствие Божье». Хотя богатство дает много возможностей творить благое, но оно всегда связано со столькими искушениями, что «удобнее верблюду сквозь игольные уши пройти, чем богатому войти в Царствие Божье». Галилейские рыбаки легко расстались со своими скудными сетями и лодками, чтобы последовать за Христом, между тем богатый юноша, когда ему было поставлено требование «продать имущества свои и отдать нищим», отошел от Христа, скорбя. Когда корабль садится на мель, сильный пловец, отбросив от себя все, выплывает, а отягченный грузом золота, невзирая на силу, идет ко дну. Очень может быть, что богатый Иосиф стеснялся открыто идти со Христом и за Христом, потому что Христос и Его приближенные были люди бедные, не его круга люди. Очень может быть, что его стесняло и занимаемое высокое положение в обществе.

Баловням чести и славы всегда предносится вопрос: что скажет Бог? Как бы то ни было, но Иосиф весьма много потерял оттого, что скрывал свою приверженность Христу. Он мог состоять в постоянном живом общении со Христом, как и прочие ученики Его, но не состоял. Он потерял все те наставления Христа, которые преподавал Господь ученикам, оставаясь с

ними без народа. Очень может быть, что нам не сообщено о нем ничего более именно потому, что он и не сделал ничего более. Он был не так силен, не так свят, не так полезен, как мог бы быть, если бы следовал Христу не только издали, таясь. О, если бы это послужило предостережением всем тем, кто и в наше время стесняются открыто исповедовать Христа.

Что богатство и общественное положение и в настоящее время многих удерживает от исповедания Христа – это общеизвестно. Что и в настоящее время пытаются оправдать свою теплохладность ссылкой на свою врожденную сдержанность во всем, тоже общеизвестно. Но если бы все были таковыми, что случилось бы с истиною, с церковью, с верою? Вникните в это и отрешитесь от лукавых советов мира и плоти. Вперед, за истину, правду и Господа!

Что вывело Иосифа из скрытности? Сила Креста Христова. Живая личность Христа, Его жизнь, учение, чудеса, все это вместе взятое расположило Иосифа ко Христу настолько, что он стал тайным учеником Христа. Но когда он увидел суд над Христом, суд зла над добром, неправды над правдою, посмеяние и истязание святого и святость, когда он услышал из уст невинного страдальца молитву непобедимой любви: «Отче, прости, ибо они не ведают, что творят», когда он услышал исполненное невыразимых страданий «жажду», а в ответе дьявольские издевательства, тогда почувствовал что камни возопиют, если он, ученик Христа, будет молчать и таиться. Солнце признало Его и возвратило пленников своих. Даже сотник, – грубый воин, пораженный всем происшедшим, исповедовал Его – мог ли Иосиф, тайный ученик Его, не исповедовать Его? Он исповедовал. Едва ли Иосиф во всей полноте понимал значение этой смерти. Он кое-что знал, но, во всяком случае, не в такой полноте, как знаем мы. Мы знаем, что Христос умер за нас, грехов наших ради, что и раны, и кровавый пот и жажда и склонение в смерти главы и предание Духа Отцу, все за нас. Может ли наша совесть позволить нам малодушно таить от мира нашу веру во Христа, нашу любовь к Нему?

Но может быть кто-нибудь скажет: то время, когда жил и действовал Иосиф, было иное, чем наше время. Тогда были обстоятельства, которые повелительно требовали от Иосифа перестать таиться, открыто засвидетельствовать свою веру и любовь ко Христу. Иосиф был вынужден выступить за Христа, потому что враги Его зашли слишком далеко. Пока злоба врагов выливалась только в словах, в поношениях и угрозах, Иосиф молчал. Молчал он, когда враги говорили, что Христос грешник и друг грешников, когда говорили, что Он беса имеет и бесов изгоняет силою бесовскую, молчал он и тогда, когда они брались за камни и грозили убить его. Иосиф заговорил только тогда, когда враги от злых слов перешли к злым делам. Дорогие современники, или вы действительно не видите, или вы трусливо притворяетесь, что не видите, что наша текущая действительность и в слове и в деле далеко превзошла всю ту меру злодеяний, которая заставила Иосифа перестать таиться и выйти на поприще открытого исповедания Христа?

Кто следит за современною прессою, за современными ораторскими трибунами, знают, что современные поношения Христа неизмеримо превзошли и злобностью и грубостью все те поношения, которыми и до Голгофы и на Голгофе обрушивались на Христа враги, современники Христа. Грубейшему, бесстыднейшему посмеянию подвергаются и личность Христа, и учение Христа, и все дела Христа, и дело Его в общем взятое. Предатели Христа ныне покупаются не жалкими тридесатью сребренниками, а всеми видами благ мира сего: жаждущим власти за предательство – честь, жаждущим злата за предательство – злато, в количествах не снившихся Иуде. Если бы нынешним врагам Христовым было бы доступно тело Христово, которое было бы распято на Голгофе, оно вновь было бы подвергнуто утонченнейшим истязательским способам умерщвления, но тело им недоступно, и вот враги Христа изощраются в истязаниях и распинании тела Христова, еже есть на Земли, и именуется Церковью Христа. Восстановите в своей памяти то, что вы видели, слышали и читали про истязания тела Христова, Церкви, в пределах большевизии, и при всей неполноте наших

сведений вы поймете, что бес голгофский – младенец по сравнению с бесом советским

Четырнадцатый уже год, изо дня в день, каплю за каплей точат живую кровь из живого организма под улюлюкание и гикание осатаневших богоборцев. Голгофские злодеи не знали Христа, посему Христос и молился за них: «Прости им, Отче, ибо они не знают, что творят». Но большевицкие злодеи имеют пред собою Христа в двухтысячелетней истории христианства и в настоящее время живущего и действующего пред лицом всего мира в миллионах верующих лиц. Ныне впервые враги Христа выступают на арене истории как отрицатели не только веры в Бога, проповеданной Христом, но и всякой вообще веры в Бога. Мало сказать про созидателей современной Голгофы, что они осатанели, ибо и бесы веруют и трепещут. Они уподобились скотам бессмысленным, не сознающим в небе Бога, а в себе души, потому-то они и Бога не боятся, и людей не стыдятся, и свершают дела поразительной жестокости и гнусности с животною злобою и тупостью. На современной Голгофе судьи уже не задают вопроса: Варавву или Христа? Ибо Вараввы давно уже облечены в тоги судей и властителей, законодателей и законоисполнителей и по делу Христа уже давно нет у них сомнений и колебаний: достоин смерти. И этот приговор стал обычным не только по отношению к Богу, не только по отношению к Богочеловеку, но и по отношению к простому человеку, мерою для которого поставлено Христово: «будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть». Большевицкая мера человека: «Будите бездушными скотами, каких вы видите в лице своих наличных повелителей».

Да, наше время не такое, как время Иосифа Аримафейского. Оно неизмеримо злее и подлее того времени. Если Иосиф в Голгофских злодеяниях усмотрел достаточное побуждение для того, чтобы от тайного исповедания перейти к открытому, то в наше время должно быть почитаемо призывающее нас к немолчному исповеданию, сопряженному с ярковыраженным протестом против возведения на Голгофу не только Бога, но и человека.

В устьях реки Темзы, на одном из «буев», обозначающих опаснейшую мель, утверждён колокол, в бурю звоном предостерегающий пловцов от смертельной опасности. Чем сильнее буря, тем резче и сильнее его звон. В настоящее время бури и мрака, когда по всему миру, как нарочитые ловушки, рассеяны большевистские мели, каждая верующая душа должна взять на себя роль этого колокола, предостерегающего и спасающего. Глубоко ошибаются те, кто эту опасность считает местною. И опасность часто местного характера не может быть безразлична для христианина, но наличная большевистская опасность, о которой говорим, имеет напряжённую тенденцию стать вселенскою. Поэтому звон тревоги в настоящее время должен раздаваться по всему лицу Земли, чтобы всюду и всех предостерегать. Но этого мало. Погибающим должна быть оказываема активная помощь, а с расплзающеюся язвою должна быть ведена активная борьба. Мало погresti с почестями погибших. Должны быть предприняты меры к предотвращению случаев гибели не только предостерегающим звоном, но и борьбой с разбушевавшеюся злой стихией. Когда враги угрожали свободолюбивой Англии, патриотическое воодушевление было всеобщим. Престарелая гражданка на митинге призывала гражданок бороться не на жизнь, а на смерть. «А способы какие у нас?» – спросили ее. – «Всеми силами и всеми способами». Нет сомнения, что это наилучший метод в грозную пору.

Когда русские в 12 году изгоняли врагов, были использованы все силы и все способы. Никаких уступок врагу. Уступите ему дюйм и он захватит милю, падайте ему палец и он захватит всю руку. Таиться и стремиться в тыловое ополчение в такую пору равносильно предательству. Иосиф был связан с врагами Христа и общественным и имущественным положением, несомненно и родством. Подобно ему и мы должны пренебречь всем этим и подобным, когда дело идет о том, что само по себе ценнее всего этого: о Боге и Его вечном Царстве, о человеке, о его духовных святынях, узах и ценностях.

И мы должны отрешиться решительно от всего, что может так или иначе связывать нас с осатанелыми богоборцами, касается ли то уз крови, имущественных уз, уз личной приязни. Когда мы вступали в Церковь Христову вратами св. крещения, от нас требовали не только исповедания веры в Бога, согласно с учением св. Церкви. Трикраты вопрошали нас: «Отрицаешься ли сатаны, и всех дел его, и всех аггелов его, и всего служения его, и всея гордыни его?» Мы трикраты отвечали: «Отрекохся». Когда в последующей жизни заходит дело об исповедании веры, обычно про эту часть исповедания забывают. Это и всегда нехорошо, но в пору напряженной борьбы Царства Божья с царством сатаны такое забвение недопустимо. Для немощного человеческого сознания порождается искушение, будто можно исповедовать Бога и в то же время блюсти нейтральное отношение, своего рода лояльность и по отношению к царству сатаны. Создается фактически своего рода двуподданство духовное. Даже в распорядке мирских государств, особенно во время военное, двуподданство рассматривается как предательство и карается. Тем более это недопустимо в жизни духовной, где взаимоотношение между Царством Божиим и царством дьявола неизменно характеризуется борьбой без перемирий. В настоящее время каждый из нас должен со всей решительностью проявить свою безраздельную преданность Царству Божию и свою полную отрешенность к царству дьявола. Деятельно любя Царство Божие, к царству дьявола мы должны относиться с деятельным омерзением. При крещении, отрекшись от царства дьявола, свое омерзение к нему мы выразили исполнив повеление: «дуни и плюни на него»; по крещении это омерзение должно выражаться в нещадной борьбе с этим царством всеми силами и всеми способами. На нас на всех лежит двойкий долг: с одной стороны, разжигать в себе и других активную любовь к Царствию Божию, а с другой стороны – разжигать не менее активное омерзение к царству дьявола.

Все мы сегодня собрались сюда по вере и любви к Спасу, благолепно погребенному благообразным Иосифом, но полноты благодати от лобзания Спаса во гробе сподобятся лишь те, кто не только словом, но и делом отреклись от «сатаны, и всех дел его, и всех аггелов его, и всего служения его и всея гордыни его», кто с омерзением «дунув и плюнув» на него при крещении, и в делах, и в словах водятся настроениями и заветами крещения и по крещении.

Проверим же в сердцах своих заветы крещения и оживим их во всей полноте и яркости, чтобы излилась на нас вся полнота Спасовой благодати. Аминь.

«Вера и жизнь» №5, 1931 г., май, с. 65

Христос воскрес!

Вы, чьи лучшие стремленья,
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавленья,
К Божью свету мы грядем.
Вы, кручиною согбенную,
Вы, цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете с Христом.

(А.К. Толстой).

Лет сто тому назад мудрый страж «Града Господня», наблюдая на Руси нарастание так называемого «практического материализма» с его богоборческими и духоборческими устремлениями, предостерегающе предвозвестил верующим: «Паки Голгофа и крест». Ныне, когда практический материализм стал исповеданием суровых поработителей величайшей в

мире страны, шестая часть земной поверхности немолчно оглашается воплями «паки Голгофа и крест», ибо не только Христос и все Христово, но решительно все божественное, религиозное, духовное, возвышенное, святое обречено здесь на изуверское посмеяние, поругание, проклятье и угробление.

Не только устремление человека ввысь к божественному и Божеству, но и всякая попытка сохранить свое человеческое достоинство объявлены здесь тягчайшим преступлением, влекущим за собою «высшую меру наказания» - смертную казнь. Миллионы людей с безупречнейшим именем казнены только за дерзновение осуществлять в жизни непреложные веления Бога и чистой совести, за исповедание норм права и морали, чтимых веками решительно во всем культурном человечестве.

Миллионы людей живут под непрестанною угрозой того же и за то же. Взбунтовавшаяся плоть затеяла беспрецедентный поход против Духа Божия и духа человеческого. Как бы в оправдание древней поговорки о дьяволе, передразнивавшем Бога, практический материализм, как и христианство, шлет в «мир весь» своих миссионеров, но каких миссионеров? Предателей, агентов разложения и развращения. В качестве меры вещей они пропагандируют человека-животное, а в владыки мира прочат человека-зверя.

Возможно, что прежде, чем человечество осознает опасность и необходимость решительной борьбы, надругательства зверя над общечеловеческими ценностями и святынями, выйдут и за пределы злосчастной Руси. Но если бы даже всему человечеству суждено было бы изведать на себе когти и зубы кровожадного зверя и, подобно Руси, пройти через Голгофу унижения и страдания, это все-таки не означало бы конечной победы плоти над духом, зверя над человеком. Для верующих непреложно ясно, что сеющие в тленную плоть могут пожать только тленное, ибо тленное не может породить ничего нетленного, вечного. Древняя мудрость восстающих на Бога именуется безумцами, а история красноречиво свидетельствует, что на богоборцах всегда оправдывались слова псалмопевца: «Живый на небесах посмеется им, а Господь поругается им». «Яко сосуды скудельничи сокрушит я» (Пс. 2:4, 2:9). В конечном итоге и все восстания плоти против духа человеческого тщетны. Внешней силе доступно только внешнее, хранимое в глубинах духа ей недостижаемое (Еккл.).

Дивная по красоте и мудрости русская легенда-притча повествует, что грубая, дикая сила татарская, поработив Русь, разграбив и разгромив все доступное разграблению и разгромлению внешнею силою, оказалась бессильна пред градом Китежем, славившимся и богатством и благочестием и верностью отеческим преданиям: Китеж со своими ценностями и святынями сокрылся от взоров и дланей татарских в глубинах озера Светлояра и продолжал там жить, как жил до татарщины. Само собою понятно, что под глубинами Светлояра здесь разумеются глубины русского духа, сокрывшего от взоров и дланей татарских русские духовные ценности. Можно быть уверенным, что и в настоящее лихолетье заветные духовные ценности и святыни сокрыты от взоров и дланей зверя в недоступных ему глубинах русского духа.

Однако было бы ошибкой, если современные богоносцы и духоносцы сочли бы возможным опочить на этих непреложных истинах. То правда, что богоборцы и духоборцы в конечном итоге бессильны разгромить дух и его царство, но и те опыты разгрома духа, которые предпринимаются взбунтовавшеюся плотью, несомненное зло, тормозящее нормальный рост духовной культуры. Не из боязни за конечные судьбы Царствия Божия говорит Спаситель: «Кто не со Мною, тот против Меня. Кто не собирает со мною, тот расточает». Безучастность, пассивность раззадоривает врагов Царствия Божия в их безнадежном походе. Если бы русские, схоронив в глубинах своего духа свои духовные ценности и святыни, только хранили бы их как семена в амбаре, как капитал в сундуке, татары и доселе могли господствовать на Руси.

Семена эти должно сеять, капитал пускать в оборот, огонь любви к наследию предков разжигать.

Когда мудрый страж града Господня предвозвещает Руси «паки Голгофу и крест», его прозорливости предносилась не только как бездна страданий народных, но и как окончание страстей, подобное окончанию Голгофы Христа. Ад не в силах был удержать Христа в своих узах (Деян. 2:24). Христос воскрес. Воскресенье Христово было полною неожиданностью для врагов Христа, в распятии и погребении усматривавших полную победу над Христом. И диким татарам порабощение разгромленной и разграбленной Руси казалось незыблемым, раскрепощение невозможным. И те, и другие в учет принимали только внешнее, учет духовного начала им был недоступен. И ныне взбунтовавшаяся плоть, обосновав свое господство на разгромлении всего внешнего, обольщает себя мечтами о порабощении всего мира. Между тем духовные силы, сокрывшиеся от плотских взоров и дланей в проточных глубинах Светлояра, живут и нарастают незримо, но неотступно. Так, в вешние дни миллионы незримых ручейков постепенно накапливают ту силу, которая вдруг разбивает ледяные оковы, чтобы частью стереть их на месте, частью утопить в море-океане.

Бей даже малым ручейком.
Он в океан вольется.

(Хомяков).

Не говори: я капля в этом море
Моя печаль бессильна в общем горе,
Моя любовь бесследно пропадет.
Смирись душой и мощь свою постигнешь,
Поверь любви, и горы ты подвигнешь
И укротишь пучину бурных вод.

(Голенищев-Кутузов).

Исполнив свой долг, и великие и малые богоносцы и духоносцы вынуждены мириться со смиряющей безвестностью. То непреложно известно, что половодье неминуемо будет, но день и час, когда Волга, поддержанная миллионами безвестных ручейков, разобьет ледяные оковы, кому ведомы?

Апрель преполовинивается, а она все еще подо льдами... Мироносицы несли ароматы, чтобы помазать тело Иисусово, а вестник Господень говорит им: «что ищите Живого с мертвыми? Возста, несть zde» (Мф. 28:6).

Чем неожиданней, тем радостней была для них благая весть: «Христос Воскресе!».

Газета «Сегодня» 12 апреля 1931 года, воскресенье, №101, 13-й год издания, с.1

Одиночество Христа

И, воспев, пошли на гору Елеонскую. Тогда говорит им Иисус: «Все вы соблазнитесь о Мне в сию ночь, ибо написано: поражу Пастыря, и рассеются овцы стада» (Мф. 25:30-31)

Старинная мудрость говорит: разделенное горе – половинное горе. Мы благословляем руку, помогающую нам нести сужденный нам крест. Если даже друг наш, подобно друзьям Иова, приближаясь к нам на развалинах нашего счастья, при гробе наших близких, не приносит нам ничего, кроме слез сочувствия, кроме увядающего венка, мы никогда не забудем такого друга.

Но и то справедливо, что неразделенное горе – двойное горе. Именно на эту черту страданий Спасителя хотим мы обратить наше внимание. Он был одинок в страданиях Своих, никто не понимал Его, никто не поддерживал Его, Он бремя Свое нес одиноко. «Вы Меня оставите одного», – в этом одно из самых горьких обстоятельств страданий Христовых.

I

Не только на Страстном пути Христос одинок, Он одинок на протяжении всей Своей жизни. Уже тогда, когда Отрок Христос во храме говорит Матери Своей и Иосифу: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему» (Лк. 11:49), Он сознавал Свою обособленность, одиночество. Уже тогда Его душу объемлет сознание непонятости: «...Но они не поняли сказанных Им слов» (Лк. 11:50). Так проходит Его юность, одинокая, непонятая.

На пороге мужества встречают Его искушения в пустыне. Вместо пути смирения, лишений, креста, к которому звал Его долг, предлагается Ему путь широкий, удобный, исполненный удовольствий, чести и власти. И опять Он одинок, без друга, без помощника, заступника, советника, В одиночестве совершает Он подвиг героической борьбы и победы. Но не только в безлюдной пустыне, а посреди многотысячной толпы, сопровождающей Его, внемлющей Его слову, приемлющей от Него исцеления, воскрешение мертвых, насыщение, – Он неизменно одинок и непонят. Чудесно насыщенная толпа в непонимании своем готова провозгласить Его царем земным.

Одинок Он посреди учеников Своих. Так, после речи, обращенной к сорока избранным, раздаются голоса: «Какие странные слова, кто может это слушать?» (Ин. 6:60), и многие начали отходить от Него. Одинок Он даже посреди апостолов Своих, то спорящих о первенстве (Мф. 20:20-28), то в ложной ревности просящих призвать огонь с Неба, чтобы поपालить пренебрегающих Господом (Лк. 9:52-56). Или когда Он говорил, что Сын Человеческий будет предан в руки человеческие, «...они не поняли слова Его, и оно было закрыто от них» (Лк. 9:44-45).

Может кто-либо скажет, что в этом отношении участь Спасителя такова же, как участь всех тех, кто стоит выше своего времени и своего народа. История знает одиноко совершающих свой путь правителей, мыслителей, поэтов, художников, которые на целую голову выше своих современников, которые высятся над общим уровнем, как гордые горные вершины над уровнем равнины, с которых видят всё глубже и шире, чем очи обыденных обывателей, беспечно резвящихся на жизненной дороге. Кто умел опередить свое время, тот, подобно путнику, поднявшемуся на недостижимую для современников горную высь, оторван от окружающих, оставшихся на равнине обыденщины.

Но многие ли переживают свое одиночество так, как Спаситель? Обычно сама эта возвышенная отчужденность тешит их, их улаживает то, что их толпа не понимает, они презирают эту отсталую толпу, они живут тщеславной надеждой, что грядущие поколения поймут и оценят их. Христос далек от всего тому подобного. Здесь мы видим Высочайшего, Который по безмерной любви к человеку сошел с небесных высот в юдоль человеческой скорби, бед, унижений, тьмы, греха, чтобы стать Спасителем, Ходатаем, Избавителем, сострадательным Первосвященником любви.

Как магнит притягивает к себе железо, так Его сострадательная любовь влечет к себе всех труждающихся, обремененных, униженных, погрязших в грехах, пороках, всех погибающих, причем влечет к Себе стопую нежную, смиренную, любящую кротостью, чтобы трости сокрушенной не стереть и льна куряща не угасить, чтобы всех спасти, чтобы и тех, кого

обыденщина считает уже погибшими, пропащими, возродить, воскресить из духовной смерти. То слово, которое Он проповедует, то дело, которое Он делает, всегда чуждо высокомерной гордыни, всегда проникнуто святой любовью. Он всегда подобен любящей матери, ищущей, кличущей, жалеющей своих заблудших, оставших детей. Он всегда готов их принять и согреть, и сохранить под крылами любви Своей.

На такого рода зов не найти отклика в сердцах зовомых и искомым... это значит пережить одиночество Христа. Одинок Моисей среди своего народа, свыкшегося с ярмом рабства и по освобождении тоскующего по мясам египетским и ропщущего на освободителя. Одинок Илия, исповедующий и проповедующий Единого истинного Бога народу, погрязшему в служении Ваалу и Астарте. «Я остался один-одинешенек», – так стонет ревнитель Божий, уставший жить и бороться. «Довольно, Господи, прими душу мою».

Но величие Христа больше величия Моисея и Илии. Здесь сердце, не перестающее гореть любовью, невзирая ни на что, – ни на пустыню окружающей жизни, ни на ожесточение сердец, ни на глухоту и слепоту людскую; здесь жестоковыйность ведомых не ожесточает Вождя, не смущает Его, при виде ее здесь Вождь не падает духом, а лишь напряженной идет и ведет к святой вечной цели. Могучею, грандиозною возвышенностью стоит Христос на равнине обыденщины, но не для того, чтобы подавлять низину, а для того, чтобы защищать ее от буйных ветров, чтобы принимать на Себя удары громов, а на равнину посылать благодатную тишину, мир, плодородную влагу – спасение.

Именно такими настроениями проникнуты вся личность и вся жизнь Христа, в частности и Его последний Страстной путь. Доселе Ему сопротивлялись ученики. Казалось, они проникнуты духом неповиновения. Петр утверждал, что для них нет места в мире, кроме как при Нем, имеющем слово жизни. Но вот ныне и они покидают Его. Они рассеиваются, как овцы, у коих поражен пастырь. В Гефсимании во время тягчайших борений Он в них не находит поддержки. Трижды будит Он их призывом любви, а они пробуждаются ото сна лишь при лязге оружия, и то лишь для того, чтобы разбежаться. «Пустите их идти», – говорит Спаситель, не желая подвергать их опасностям и мукам внешним.

Но на этом дело не стало. Видя Господа и Учителя своего схваченным, истязуемым, они оставляют Его и духовно одиноким. Тот самый Петр, который первый исповедал Его, отрекается от Него. Узы, скованные тремя годами непрерывного общения, расторгнуты.

С этого момента Господь совершенно одинок посреди враждебных сил. Одинок Он и в синагогоне, и у первосвященника, одинок Он пред лицом Ирода и Пилата, одинок пред лицом народа, одинок, когда все ручьи вражды и зависти слились в единый бурный поток бешенства: «Распни, распни Его».

Одинок Он на Кресте среди издевательств и справа, и слева. Где страстное одиночество, подобное сему? Говорю – подобное сему, ибо глубина и широта Его одиночества нам недоступна. Наша современность вкусила такие виды горечи, какие казались отошедшими в область далекого дикого прошлого человечества, ныне мнящего себя культурным. И гордый просвещенностью и гуманностью современник нередко пренебрежительно отвергает свой взор от Христа, к Которому, однако, приходилось и приходится обращаться как к Единому Источнику утешения, силы и отрады.

После минувшей “мировой войны” мы каждодневно встречаем на пути своем детей, ставших одинокими – сиротами. Несчетны случаи, где гроза войны и смуты отняла у малых деток любящих родителей с их заботами, и нежным, юным, беспомощным цветкам первое утро жизни оказалось морозным, роковым. Без счета мы видим и старцев, которых это время

сделало одинокими. Была опора, была надежда в сыне, дочери. Ныне слезящимся и тускнеющим очам не на ком остановиться, дрожащим рукам не за кого ухватиться. Кругом все чужие, часто враждебные люди. Горькое одиночество беспомощной старости. А несчетные вдовы?.. Даже то единое утешение, которое при обыденных условиях жизни доступно этого рода несчастным, у этих сирот военного времени отнято: нет дорогого могильного холмика, нет своего креста над могилою...

Мы видим на положении сирот без Родины, без Отечества, без родного крова, без души родной в целом человечестве группы людей, исчисляемых миллионами. И это одиночество национальное переживается еще во сто крат тяжелее, чем одиночество личное... Лишь у Того Единого, Великого Одинокого, беспрецедентное одиночество Которого в страданиях мы сегодня вспоминаем, обездоленное, отвергнутое, сиротствующее сердце может обрести утешение. Обратите еще раз свой взор к Нему.

II

Одиночество, обособленность Христа беспрецедентны. Но не Он Сам создавал его, Он не искал его. Это часть участи, сужденной Ему Отцом.

Бывает одиночество, которого ищет сердце человеческое в отчаянии, смущении или своенравии. Бывает, что человек удаляется от общества в отчаянии или по упрямству, считая себя лучше, выше, чем окружающие. Это мы видим на примере Илии, сбежавшего в пустыню, на примере Петра, на примере Фомы, отдавшего себя скорби сомнений.

Господь далек от всего этого. Он сознает, что такова воля Отца: «Поражу Пастыря, и рассеются овцы стада». В этом Его задание: быть одиноким, в этом для Него школа жизни, один из моментов Его «послушания». Он должен взирать и уповать только на Отца. Один из способов укрепления дерева состоит в том, что у дерева отнимают кол. Первосвященник для примирения народа своего с Богом один входил во святая святых. Так и Христос Один в одиночестве проходит через испытания одиночества на Кресте, чтобы сделать Крест орудием примирения.

Благо человеку, который про свое одиночество может сказать, что оно не есть плод его собственного произвола и произволения, но что оно для него школа жизни, обособление, чтобы расти ввысь, отнятие подпорок, чтобы глубже укорениться, чтобы научиться обращаться к Отцу, как Ной среди бушующей стихии обращал взор свой только к Богу, как Даниил и среди роскоши дворца не забывал окошка, обращенного на восток. Так да сознает себя и каждый, кому Господь судил одиночество и обособленность: «Я не один, ибо Отец со Мною».

В этом глубокое утешение не только для Христа, но и для Его учеников. Это же Господь выразил и еще ранее: «Отец не оставит Меня одного, ибо я совершаю Его волю» (см. Ин. 8:29). «Он всегда пребывает в том, что относится к Отцу Его» (см. Лк. 2:25). И без Него Он не остается никогда; ни в бодрствовании, ни во сне, и в бурю, и в светлую погоду – Он всегда в общении с Отцом. Чем холоднее к Нему внешний мир, тем теснее Он припадает к Отцу.

Когда внешние обстоятельства действуют на древо Его жизни иссушающе, именно тогда сила Божия действует особенно напряженно на корни Его чрез общение с Отцом. Отсюда Его мирный покой в Гефсимании («Твоя воля да будет»). Отсюда мирный покой пред лицом толпы насильников, которым Он идет навстречу со словами: «Кого ищете? Это Я». Отсюда спокойное и решительное повеление Петру: «Вложи меч в ножны. Или Я не должен пить чашу, которую дает Мне Отец?» Отсюда Его спокойная и полная достоинства речь пред судилищем и судьями. И Бог для Него всегда Отец, и в самые ужасные минуты на кресте.

Да, Отец всегда был при Нем, даже тогда, когда могло показаться, что Он оставил Его. Так солнце стоит на небе и тогда, когда облака закрывают его. «Я всё-таки останусь с Тобою, если бы тело мое и сердце мое было истерзано» (Пс. 73). Он пребывает с нами, если только мы пребываем с Ним до смерти. Не только для отдельных рабов Божиих, иногда и для целых обществ наступают времена кажущейся оставленности. Дело Божие – дело свободное. И как во времена Христа, так и ныне случается, что многие отходят от Него, когда на Нем не оправдываются их земные надежды и расчеты...

Господь никого не принуждает. Но Господь и поругаем не бывает. И продолжительное время ни единый народ и ни одна душа не могут оставаться без Него, Царство Его шествует путем своего развития, если ты и не идешь вместе с Ним. Оно может существовать и без нашего народа, но наш народ без Него существовать не может. Пастырь нужен овцам, а не овцы Пастырю. Кто Его оставляет, тот скоро сам будет покинут Им. Как быть нам? Отойдем ли от Него в пору испытаний? Да не будет... Тогда даже в час смертный, когда, может быть, и мы будем оставлены ближними, мы вправе будем сказать: «Но Ты со мною еси». Аминь.

Проповедь архиепископа Иоанна, произнесенная 13 сентября 1932 года в Рижском кафедральном соборе.

Молитесь за умерших

*“Не хочу вас не ведати о умерших, да не скорбите...
Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес” (1 Сол. 4:13-14).*

Смерть близких, дорогих нам людей является одним из самых тяжелых испытаний, посылаемых Господом Богом нам, немощным в этой временной жизни. Нет горше слез, чем слезы матери о безвременно отошедших в могилу любезных сердцу чадах. А с горем вдовиц и сирот какое горе сравнится? Однако ко всем этим глубоко несчастным людям, по взгляду мира, безутешным людям, Господь и Спаситель наш обращает с увещанием: «Не плачьте!» Их же увещает и св. апостол Павел: «Не скорбите!» Что значит это? Конечно, не то, что мы должны из сердца выкинуть, забыть дорогих нам покойников. Нет. Мы должны любить их по смерти, как любили при жизни их, - но не скорбеть об их смерти, ибо для нас, христиан, общение любви с дорогими нам лицами смертью не расторгается. Сам Господь даровал нам благодатные средства для такого общения. К таким средствам относится, прежде всего, молитва. Она и между живущими, но разлученными друг от друга на земле, есть самое лучшее средство духовного общения. Так св. апостол Павел всегда молил верующих: непрестанно молиться о нем, чтобы Господь дал силу и действенность его слову и проповеди, равно как и сам он непрестанно молился о них, чтобы Господь утвердил их в вере и жизни христианской. И нет сомнения, что молитва за верующих вспомоществовала апостолу, а его молитва – верующим.

Поразительный пример силы и действия взаимной молитвы находим в Деяниях свв. Апостолов. Св. апостол Петр, заключенный в темнице, спал между двумя воинами «молитва же бо прилежна бываема от Церкви к Богу о нем» (Деян. 12:5). Что же было следствием этой молитвы? В ту же ночь Ангел Господень явился в темницу, разбудил спавшего апостола и вывел его из темницы. Тем более сильна и действенна молитва в отношении к душам умерших, для которых по разлучении с телом нет других утешений, кроме молитвы, и нет других радостей, кроме радования о Господе. Несправедливо, как думают некоторые, что нужды наших усопших братьев нам неизвестны. Духовные нужды одни и те же и у живых, и умерших: милость и благоволение Отца небесного, прощение и оставление грехов и прегрешений наших, благодатная помощь Божья в исполнении всех намерений и желаний благих и богоугодных, мир и покой сердца и совести – вот что дороже всего для живых и умерших. «Упокой, Господи, души усопших раб твоих» - вот всегдашняя молитва и матернее благожелание св. Церкви

душам почивших. Об этом должно молиться и нам...

Быть может, иная душа связала себя узами земных привязанностей: оплетшись житейскими попечениями при жизни, она не может освободиться от них и по смерти. Земные помышления о доме и домочадцах, о приобретениях и стяжаниях, еще тяготят ее, мучают ее, не дают ей свободно устремить весь ум и сердце к единому Богу. Помолитесь же о такой душе, да упокоит ее Господь в тихом пристанище Своего Царствия, да истребит и попалит в ней огнем благодати Своя память о житейских попечениях, да возгреет в ней любовь и желание вечных сокровищ, да упокоится она в сладчайшем уповании блаженства вечного... Быть может, иная душа, исповедавшаяся в предсмертный час торопливо и смутно, в полузабвении и смятении чувств, сокрушается и скорбит теперь, что не успела благовременно принести Богу покаяние истинное, полное, очистить грехи свои слезами сокрушения. Сознание неисповеданных и непрощенных грехов мучит, терзает ее. Помолитесь и о такой душе страдающей, да упокоит ее Господь Бог под кровом Своего неистощимого милосердия, да примется, хотя позднее, но искреннее раскаяние ее и да подаст ей оставление грехов...

Но кто исчислит все узы, которыми душа наша может связать себя в этой жизни и остаться связанной на всю вечность? Один позавидовал своему ближнему в глубине души своей, и уже наложил узы на душу свою. Или - посмеялся недостатку ближнего своего, и сделался по слову Господа, повинным в геенне. Иной сказал лживое слово, и сделался сыном отца лжи. «Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит» (Служба понедельника 1 гласа). Посему, как бы свята ни была жизнь человека, никто не может поручиться, что он перейдет в мир иной вполне примиренным с Богом, что молитвенное заступничество живых собратий ему не нужно. Не было ли глубоко и искренне покаяние св. Ефрема Сирина? Но и он, предчувствуя кончину, молил ближних своих: «о, братие, напутствуйте меня в горний мир молитвами, псалмопениями и приношениями. Когда же исполнится 40 дней по смерти моей, совершите по мне память, потому что мертвым помогают молитвы и приношения совершаемые живыми» (Твор. Ефр. Сир. Т. 7).

Другое средство общения живых с умершими - это милостыня. «Желаешь ли почтить умершего, принести ему дар, почти его милостынями, благотворениями и служениями» (Св. Иоанн Златоуст). Пошлите умершим в горний мир дары через руки нищих, страждущих. Сотворите по силе своей милостыню во имя усопших и будьте уверены, что дар ваш дойдет по назначению. Порукою сему Господь наш Иисус Христос, сказавший: «Понеже сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25:40). А Он ли, Всемогущий, останется в долгу у нас? Напитай во имя Его алчущего и жаждущего напои, и Господь насытит душу усопшего брата твоего явлением пресветлого, радостнотворного лица Своего и напоит его из источника благодати Пресвятого Духа Своего...

Быть может, обнаженная добрых дел и окаянная грехами душа сродника твоего стыдится пред свв. Ангелами и сама укрывается от лица Божья во тьме и мраке преисподней? Одень во имя ее нагого, омой ноги утомленному путнику, укрой пришельца, и Господь милосердный облечет ее одеждою заслуг своих, украсит ее порфирию оправдания Своего, омоет греховные нечистоты честною кровию Своею...

Быть может, душа друга твоего связанная пленница грехов и томится в темнице неведения лица Божья? Поспеши во имя ее в темницу, облегчи сердце узников состраданием и помоги им, и Господь пошлет светлых Ангелов утешить душу друга твоего в скорби, укрепит ее надеждою, обрадовать ее обетованием милости Божьей. Быть может переселившаяся отселе душа в мир духовный, не сблизившись молитвою с его святыми обитателями, явилась в мир горний, как в страну чуждую и несродную, не находит себе духовных сродников в горнем Сионе? Укрой во имя ее странника, прими и упокой неимущего где главу свою подклонити, и Господь дарует ей

одну из светлых обителей в доме Отца Своего, а души праведников примут ее в светлое и радостное свое общество. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Если мы хотим облегчить мучение грешника, будем подавать во имя его милостыню и, хотя он и недостоин, Господь облегчит его, сжалится над ним».

Молясь об усопших, творя милостыню во имя их, надо, братие, заблаговременно помышлять и о своей смерти, готовится к ней, чтобы не перейти в будущую жизнь связанными какими-либо узами греховными и не прийти там, на место мучения. Мало ли, много ли Господь судить нам прожить на земле, но, то несомненно, что вся настоящая жизнь наша есть дорога к смерти и преддверие вечности, что лучше и драгоценнее христианской кончины мирной, непостыдной, покаянной, не можем приобрести ничего в этой жизни. Кто благочестиво пребывает в теле, тот благочестиво и разлучается с ним. Кто с Господом живет, с Господом и умирает. Кто усердно служит Господу до смерти, тот с Господом будет и по смерти.

«Иде же есмь Аз, ту и слуга Мой будет» (Ин. 12:26). «Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскрес, тако и Бог умершие во Иисусе приведет с Ним».

«Вера и жизнь» 1936 год №10 1936 год, октябрь с. 209-212.